

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВЯТАГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА,

архиепископа

константинопольского.

СВЯТЫЙ ИОАНН, получивший за свое духовное красноречие имя Златоуста, принадлежит к сонму тех великих церковных светил, которые украшали собою духовное небо святой вселенской Церкви в четвертом веке по Рождестве Христовом. Это был век замечательный во всех отношениях. Св. Церковь, пережив страшные времена гонений, когда все силы зла вооружались против нея, чтобы сокрушить ее и стереть с лица земли, наконец восторжествовала над ними, и на престоле римских императоров возсели ея сыны, которые воздали должную дань чести своей св. матери. Но с достижением внешнего господства в мире еще не закончилась внутренняя борьба с отживавшими силами язычества. Напротив, чувствуя приближение своей полной гибели, язычество напрягало все свои силы, чтобы если не открыто, то тайно подрывать христианство, и так как массы народа еще коснели в языческом заблуждении, то усилия язычества не оставались бесплодными. В народах происходило необычайное движение умов, так как они не могли уже не понимать светозарной истины христианства, но в то же время еще опутаны были сетями языческих обычаев и нравов, проникавших ядом суеверия, заблуждения и растления всю их жизнь. Пользуясь этим неопределившимся состоянием, многие лжеучители находили для себя восприимчивую почву среди народа и успешно сеяли семена ересей и заблуждений, которые по временам гордо поднимали голову, угрожая самому существованию Христовой истины. Так одна из опаснейших ересей, именно арианская, одно время едва не заполонила весь восток и получила господство даже в самой столице его - Царьграде, так что православные имели себе убежище только в одной домово́й церкви, а все другие храмы осквернялись богохульственными гимнами Ария. Но неложно обетование божественного Основателя и Главы Церкви, что “и врата ада не одолеют ея”. Когда буря еретического заблуждения достигла наивысшей силы и угрожала поглотить корабль Церкви, во главе ея явился целый ряд великих кормчих, которые, обладая необычайными дарованиями,

мужественно провели вверенный им корабль среди всех подводных камней и яростных треволнений и навсегда укрепили его в тихой пристани на несокрушимом якорю истины православия. Среди таких кормчих особенно прославились четыре великих мужа, имена которых как светила блистают на страницах летописей святой Церкви. Это были святые Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, самые названия которых навсегда сделались символом духовного величия. Каждый из них по силе своего высокого дарования послужил святой Церкви и все они доселе чтутся как святые вселенские учителя, озарившие вселенную светом своего православного учения. Но и среди них особенно дивен был по богатству и разнообразию своих духовных дарований святой Иоанн, учение которого просвещало вселенную, вдохновенное слово жгло сердца людей, а жизнь, исполненная трудов и испытаний, сделалась неистощимым источником назидания и укрепления для всех воинов Христовых, подвигающихся на поле духовной брани против мрачных сил злобы, тьмы и заблуждения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Детство, юность и подвижничество св. Иоанна (347-380).

В точности неизвестно, в каком собственно году родился великий святитель: писатели расходятся в своих мнениях касательно этого на десять лет. По более вероятному предположению Иоанн родился около 347 года по Р. Христовом, в Антиохии. Его родители были люди знатные и богатые. Отец его Секунд занимал высокую должность воеводы в императорском войске, а мать Анфуса была весьма образованной для своего времени женщиной и вместе с тем примерной супругой и матерью семейства. Оба они были христиане, и притом не по имени только, как это нередко случалось в то переходное время, а истинные и действительные христиане, преданные св. Церкви: известно, что сестра Секунда, тетка Иоанна, состояла даже диакониссой в антиохийской церкви. В таком именно благочестивом доме и родился Иоанн. Секунд и Анфуса были еще люди молодые и у них было только еще двое малюток - девочка двух лет и новорожденный мальчик Иоанн, - радость и утешение своих родителей. Но не успело это благочестивое семейство насладиться своим счастьем, как его постигло великое горе:

во цвете лет и служебных надежд скончался глава его - Секунд, оставив по себе молодую вдову Анфусу с двумя малютками. Горе молодой матери, которой было всего двадцать лет от роду, было безгранично. Правда, она не нуждалась в средствах жизни, так как имела значительное состояние; но ее нравственные муки были тяжелее материальной нужды. Молодая и неопытная, она неизбежно должна была сделаться предметом разных искательств со стороны многих ложных друзей, которые не прочь были воспользоваться ее богатством, и всякая другая женщина в ее положении легко могла бы сделаться жертвою если не увлечений, то обмана и оболъщения. Но Анфуса представляла собою одну из тех великих женщин, которыя, вполне сознавая свое истинное назначение и достоинство, стояли выше всех увлечений и житейской суеты. Как христианка, она взглянула на свое несчастье, как на испытание свыше и, отбросив всякую мысль о вторичном замужестве, порешила забыть о себе и всецело посвятить себя материнской заботе об осиротевших малютках. И она исполнила это решение с такою непоколебимостью, что вызвала невольное удивление в язычниках. Знаменитый языческий ритор Ливаний, узнав впоследствии о ее материнском самоотвержении, невольно и с удивлением воскликнул: "Ах, какая у христиан есть женщины!" Решимость ее не ослабела и от нового горя, поразившего ее материнское сердце. Ее маленькая дочь скоро скончалась, и Анфуса осталась одна с своим сыном, который и сделался предметом всей ее любви и материнских забот и вместе надежд.

Принадлежа к высшему обществу и сама будучи женщиной образованной, Анфуса не преминула дать своему сыну наилучшее по тогдашнему времени воспитание. Удалившись от всех развлечений мира и всецело сосредоточившись в своем маленьком семействе, она сама могла преподавать своему сыну первые начатки образования, и это было величайшим благом для Иоанна. Из уст любящей матери он получил первые уроки чтения и письма, и первыми словами, которыя он научился складывать и читать, несомненно были слова св. Писания, которое было любимым чтением Анфусы, находившей в нем утешение в своем преждевременном вдовстве. Эти первые уроки на всю жизнь запечатлелись в душе Иоанна, и если он впоследствии сам постоянно, так сказать, дышал и питался словом Божиим и истолкование его сделал главною задачею всей своей жизни, то эту любовь к нему он несомненно воспринял под влиянием своей благочестивой матери. Так прошло детство и наступило

отрочество мальчика. Его положение требовало дальнейшего образования; Анфуса приложила все старание об этом и, не жалея никаких средств, предоставляла все удобства для образования и самообразования своего сына. Неизвестно, как и где собственно получал свое дальнейшее образование Иоанн, дома ли при помощи наемных учителей, или в какой нибудь христианской школе. Антиохия славилась своими школами и была своего рода сирийскими Афинами. Там было много языческих школ всякого рода, которые славились своими учителями, блиставшими напыщенным красноречием и туманной философией, а рядом с ними были школы христианския, где главным образом преподавалось и истолковывалось слово Божие, хотя не пренебрегалось и общее знание, насколько оно могло быть почерпаемо у лучших представителей классического мира. Так или иначе, Иоанн получал книжное образование, но оно составляло только часть его воспитания, которое Промысл Божий, предуготовляя своего избранника к его будущему великому назначению, вел и иным способом, давая ему наглядно постигнуть всю тщету отживающего язычества и величие и святость христианства. В это именно время, когда Иоанну было 14-15 лет и когда, следовательно, его душа только что раскрывалась к сознательному восприятию окружавших его событий и явлений, язычество делало последнюю отчаянную попытку побороть христианство. Представителем его выступил император Юлиан Отступник. Овладев императорским престолом, он сбросил с себя маску лицемерного благочестия и выступил открытым врагом христианства, ненависть к которому уже давно таилась в его душе. Повсюду он начал поднимать разлагавшееся язычество и вместе с тем унижать и подавлять христианство. Так как Антиохия была одним из главных оплотов христианства, которое там именно впервые и выступило под своим собственным именем и имело славных учителей и доблестных исповедников, то Юлиан непременно обратил свое внимание на этот очаг ненавистной ему религии и принял все меры к тому, чтобы подавить и истребить ее. При этом однако он был слишком дальновиден, чтобы действовать на подобие прежних императоров-гонителей. Он знал из истории, что грубое гонительство не может достигнуть истребления той религии, для которой кровь ее мучеников и исповедников всегда была плодотворным семенем, и поэтому он прибег к другим мерам и стал действовать с одной стороны положительно, поднимая унылый дух язычников, а с другой - отрицательно, подвергая христианство всевозможным стеснениям, издевательствам и сатирам, в способности к которым нельзя было отказать этому

царственному вероотступнику. Направляясь в Антиохию, Юлиан не преминул посетить ее предместье Дафну, где был славившийся в свое время храм Аполлона. Некогда храм этот с окружавшей его священной рощей был местом постоянных языческих торжеств и молений, но теперь Юлиан поражен был его пустотой. Даже жертву не из чего было принести и встретивший его жрец должен был заколоть по случаю этого неожиданного торжества своего собственного гуся. Эта картина глубоко поразила Юлиана, и тем более, что тут же поблизости находившийся христианский храм, в котором находились почитавшиеся христианами мощи св. Вавилы, оглашался священными песнопениями и наполнен был молящимися. Юлиан не стерпел и тогда же велел закрыть христианский храм и мощи из него удалить. Это несправедливое распоряжение однако не подавило духа христиан. Они совершили торжественное перенесение мощей, и когда совершалась эта величественная процессия, оглашавшая окрестности и улицы Антиохии пением стихов псалма: “да посрамятся кланяющиеся истуканам, хвалящиеся о идолах своих”, то Юлиан ясно мог видеть многочисленность христиан и их восторженную преданность своей вере. Тогда изменяя своему философскому спокойствию и лицемерной веротерпимости, он велел арестовать многих христиан, бросить их в тюрьму, а некоторых даже приказал подвергнуть пыткам. Между тем гнев небесный разразился над капищем идольским. Храм Аполлона, о котором так заботился Юлиан, был поражен ударом молнии и сгорел до тла. Ярость Юлиана была безгранична и он, заподозрив христиан в поджоге, велел закрыть главный христианский храм в Антиохии, при чем престарелый пресвитер его св. Феодорит, отказавшийся выдать языческим властям священнейшие принадлежности храма, был предан мученической смерти. Одна знатная вдова Публия подвергалась побоям за то только, что когда Юлиан проходил мимо ворот ее дома, из него послышалось пение псалма: “Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!” Двое из молодых военачальников императорской гвардии, Иувентин и Максимин, однажды в товарищеской компании выразили жалобу на эти несправедливости правительства по отношению к христианам, и по доносу немедленно были арестованы, заключены в тюрьму, и когда они отказались склониться к язычеству, то Юлиан приказал их казнить, и они ночью были обезглавлены, а тела их с должными почестями погребены были христианами. Давая волю своей ярости, Юлиан однако в то же время понимал, что христианства нельзя подавить подобными жестокостями, которые только поднимали мужество и дух в христианах. Поэтому он

действовал и иными способами, именно литературным путем. Он сам писал сатиры на христианство, издавал сочинения в опровержение чудес и божества Иисуса Христа, старался выставить христиан темными и невежественными фанатиками и суеверами, а сам в то же время всячески стеснял для них способы образования, запрещая им преподавать в школах и закрывая самые школы, облагал христиан большими налогами, конфисковал церковные имущества и изгонял епископов и священников, в войсках обходил христиан наградами, в провинциях ставил губернаторами лиц, известных своею ненавистью к христианству и сквозь пальцы смотрел на усердие их в искоренении ненавистной ему веры всякими, часто кровавыми средствами. Когда один из префектов обратил его внимание на совершающуюся в провинциях жестокости над христианами, то он в негодовании воскликнул: "что за беда, если десять галилеян падут от руки одного язычника!" Наконец, в вящее издевательство над христианством, он порешил возстановить в Иерусалиме храм иудейский, чтобы тем опровергнуть предсказание И. Христа о его полном разрушении.

Все эти события происходили на глазах отрока Иоанна. Хотя он уже в отрочестве отличался необычайною для его лет сосредоточенностью, избегал сотоварищества и любил предаваться в тиши своего дома уединенным размышлениям, почерпая из чтения св. Писания и своего глубокого духовного существа материал для своего образования, однако он не мог вполне оставаться равнодушным к тому, что происходило вне его дома, и так как его благочестивая мать несомненно переживала много тревожных дней во времена этих гонений на христианство, то и он должен был разделять ее тревоги и опасения. Можно даже думать, что он принимал живое участие в делах христиан. Читая его восторженное похвальное слово, произнесенное впоследствии над гробом святых исповедников веры Христовой, доблестных воинов Иувентина и Максимиана, нельзя не выносить того впечатления, что он сам когда-то участвовал в погребении этих мучеников и сам со множеством других христиан проливал над их обезглавленными трупами горячие слезы . Неистовства Юлиана закончились с его заслуженною гибелью во время персидского похода, когда он, смертельно раненый, в безумной ярости бросал к солнцу комья грязи с своею запекшеюся кровью и в предсмертном издыхании воскликнул: "Ты победил меня, Галилеянин!" После него престол перешел к Иовиану, который в течение своего короткого царствования старался загладить вред, причиненный христианству его

предшественником: он возстановил на воинском знамени имя Христа, освободил церкви от налогов, возвратил епископов из ссылки. Так же действовал и его преемник Валентиниан, и хотя он совершил крупную ошибку, пригласив в соправители себе Валента, которому предоставил восток, но в общем он старался излечить раны, нанесенные христианству царственным вероотступником, и действительно не мало сделал в этом отношении, предписав напр. празднование воскресного дня и запретив разныя волшебства и ночныя жертвоприношения, под предлогом которых язычники совершали всевозможныя гнусности и поддерживали в массах народа вражду к христианству.

К этому более спокойному времени Иоанн был уже юношей. При вступлении Валентиниана на престол Иоанну было уже около 18 лет, и из него разцвел прекрасный если не телом, то душой юноша. Материнское сердце Анфусы восторгалось при виде ея сына, который как сокровище охраняемый ею в течение столь многих лет от всяких вредных влияний и опасностей, теперь проявлял все признаки великих дарований. И любящая мать сочла своим долгом дать ему возможность устроиться в мире согласно с его положением и дарованиями. Для успеха на житейском поприще ему необходимо было закончить свое образование каким-нибудь специальным курсом, и она, заметив в нем предрасположение к ораторству и глубокомыслию, предоставила ему возможность поступить в школу знаменитейшаго в то время учителя красноречия Ливания. Это был язычник-софист, один из ближайших пособников Юлиана. Подобно ему, он упорно держался язычества и мечтал о возрождении его на новых философских началах. К христианству он относился свысока, и хотя не питал к нему ожесточенной вражды, но не прочь был посмеяться над его странными-де верованиями в какого-то сына плотника. Посетив однажды христианскую школу в Антиохии, находившуюся под руководством весьма набожного и строгаго учителя-христианина, Ливаний с иронией спросил последняго: “а что поделывает теперь сын плотника?” На этот кощунственный вопрос учитель серьезно ответил: “Тот, Кого ты насмешливо называешь сыном плотника, в действительности есть Господь и Творец неба и земли. Он, добавил учитель, строит теперь погребальныя дроги”. Вскоре после этого пришло известие о неожиданной смерти Юлиана, и насмешливый ритор не мог не призадуматься над полученным им от христианскаго учителя ответом. Во всяком случае он не отличался какою-нибудь фанатическою, слепую враждою к христианству, а потому и прохождение курса

высшего красноречия у него не было опасным даже для христианских юношей. У него, например, учился св. Василий Великий и даже впоследствии поддерживал переписку с ним. Не мог опасаться никаких дурных влияний от него и святой Иоанн, который, воспитавшись в благочестивом доме своей матери, теперь был уже вполне воином Христовым, умевшим владеть духовным оружием для отражения всяких нападений на свою веру. И он с свойственно ему жаждою к знанию отдался высшей науке, и сразу обнаружил такие дарования и стал делать такие успехи, что невольно восторгал своего учителя. Последней отчасти не без тревоги видел, как в его школе выросал этот необычайный оратор, который угрожал со временем затмить самого учителя, и это тем более беспокоило его, что Иоанн был христианин и готовился быть великим глашатаем и проповедником христианства, между тем как сам Ливаний все еще надеялся воскресить разлагавшийся труп язычества. Нет сомнения, что старому софисту крайне хотелось бы склонить молодого оратора к своим убеждениям и эта тайная надежда заставляла его с особенным вниманием относиться к своему любимому ученику. Но надежда его оказалась тщетной. Иоанн в это время уже почти наметил свой жизненный путь, порешив посвятить себя на служение своему Господу Иисусу Христу, и старый софист, будучи на своем смертном одре, с искреннею скорбью ответил своим приближенным на вопрос, кого бы он желал назначить своим преемником по школе: - "Иоанна, простонал он, если бы не похитили его у нас христиане" .

Рядом с красноречием Иоанн изучал и философию у некоего философа Андрагафия, также славившагося в Антиохии. Философия в это время уже давно потеряла свой прежний класический характер и под нею разумелось по преимуществу поверхностное изучение прежних философских систем, при чем недостаток глубины мысли прикрывался потоками туманного и напыщенного красноречия. Но более выдающиеся представители философии всетаки умели придавать своей науке характер некотораго любомудрия, и если им удавалось проникать в законы духовной жизни человека, то этим уже они оказывали услугу своим ученикам, так как обращали их внимание от пестроты внешних явлений в таинственную область духовнаго мира. К числу такого рода философов вероятно принадлежал и Андрагафий, и если Иоанн впоследствии проявлял изумительную способность проникать в глубочайшие тайники душевной жизни людей, чем блистают его проповеди и трактаты, то помимо природной духовной проницательности он обязан был этим не мало и

своему учителю.

Покончив свое образование, Иоанн во всеоружии талантов и знаний готов был вступить на жизненный путь. Перед ним, как знатным и блестяще образованным юношей, открывалось широкое поприще. По своему положению он мог бы поступить и на государственную службу; но недавно пережитые крутые перевороты на императорском престоле, отзывавшиеся и на всей администрации, могли подорвать доверие к прочности подобного рода службы, и потому Иоанн предпочел более свободное занятие - адвокатурой, - занятие, которое, не стесняя человека известными обязанностями, в то же время открывало молодым, даровитым людям путь к высокому и почетному положению в обществе. Вся почти знатная молодежь того времени начинала свою общественную жизнь адвокатурой и ею занимались напр. святые Василий Великий, Амвросий Медиоланский, Сульпиций Север и другие знаменитости того времени. Это занятие сразу ввело Иоанна в бурный круговорот жизни, и он стал лицом к лицу с тем миром неправд, козней, обид и угнетений, вражды и лжи, слез и злорадства, из которых слагается обыденная жизнь людей и которых он не знал в мирном доме своей благочестивой матери. Эта обратная сторона жизни, хотя и претила его неиспорченной душе, однако дала ему возможность познакомиться с той бездной неправд и порока, которая часто прикрывается ложью и лицемерием, но на суде выступает во всем своем безобразии, и эта именно судебская деятельность и дала Иоанну впоследствии возможность изображать пороки с такою беспощадностью, которая, обнажая их во всей гнусности, тем самым возбуждала невольное отвращение к ним. Адвокатство вместе с тем приучило его к публичному ораторству, и он сразу же обнаружил на этом поприще такие блестящие успехи, что им невольно восхищался его старый учитель Ливаний. Молодому адвокату очевидно предстояло блестящая будущность: его ораторство приобретало ему обширную известность, которая, давая ему изобильные денежные средства, вместе с тем открывала дорогу и к высшим государственным должностям. Из среды именно наиболее даровитых адвокатов, приобретших себе имя в судах, правительство приглашало лиц, которым представляло управление провинциями, и Иоанн, идя по такой дороге, мог постепенно достигнуть высших должностей - подпрефекта, префекта, патриция и консула, с каковым саном соединялся и титул "знаменитый" - *illustis*. И показанная сторона этой жизни не могла не увлечь юношу, который только что выглянул на широкий свет Божий, тем более, что с этой жизнью

неразлучны были и всякия общественныя удовольствия и развлечения. Человек общества должен был непременно посещать театры и цирки и волей-неволей отдаваться тем увлечениям и страстям, которыми светские люди старались наполнить пустоту своей жизни. И Иоанн действительно с своими молодыми друзьями и товарищами посещал эти места развлечений, - но тут именно его неиспорченная натура более всего и возмутилась против такой пустоты. Как адвокатство, так и эти развлечения с неотразимою очевидностью показали ему всю пустоту и ложь подобной жизни и он увидел, как далек этот действительный мир с его неправдами и злобами, с его страстями и пороками, от того божественного идеала, который предносился ему, когда он, по его собственному любимому выражению, напоив свою душу из чистаго источника св. Писания, с непорочным сердцем вступил на поприще жизни. Его душа не могла выдержать этого испытания, и он порешил порвать всякую связь с этим негодным миром лжи и неправды, чтобы всецело посвятить себя на служение Богу и стремлению к тому духовному совершенству, которое сделалось потребностью его души.

Этому благотворному перевороту много посодействовал один из его ближайших друзей и сверстников, именно Василий . Иоанн восторженно говорит о дружбе, которая связывала его с ним еще в отрочестве. "Много было у меня друзей, говорит он в начале своей книги „О священстве", искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковою охотою и ревностью занимались красноречием и одинаковыя имели желания, проистекавшия из одних и тех же занятий". Но вот между друзьями легла тень разделения. Когда Иоанн отдался светской общественной жизни, его друг Василий посвятил себя "истинному любомудрию", т. е. принял иночество. Пример истиннаго друга не мог не повлиять и на Иоанна и хотя он в течение некотораго времени предавался еще житейским мечтам и увлечениям, но виденная им обратная сторона мирской жизни настолько поразила его, что и он стал понемногу освобождаться от житейской бури, опять сблизился с Василием, который не преминул оказать на него все доброе влияние, к какому только способна истинная дружба и - Иоанн порешил бросить этот жалкий, суетный мир с его злобами и нескончаемыми тревожностями, чтобы также всецело посвятить себя Богу и истинному любомудрию.

Друг глубоко обрадовался этой перемене в жизни своего сотоварища, и намерение их совместно подвизаться на поприще иноческой жизни готово было осуществиться. Но неожиданно встретилось важное препятствие, и именно - со стороны благочестивой Анфусы. Воспитав своего сына и поставив его на житейскую дорогу, она достигла цели своих многолетних забот и, как мать, конечно радовалась успехам своего сына. Правда, она не могла не беспокоиться, при виде того, как ея юноша-сын отдавался житейской буре, и потому она, по ея собственным словам, ежедневно подвергалась за него тысяче опасений, но утешалась тем, что пройдет пыл молодости и ея возлюбленный сын, достигнув возраста мужа совершенного, вместе с тем придет в меру возраста Христова и сделается в общественной жизни достойным и своего положения и христианского звания. Какою же скорбью поражено было ея нежное материнское сердце, когда она узнала, что ея возлюбленный Иоанн порешил вступить в иноческую жизнь! Все ея надежды разлетались в прах, и она не могла этого вынести. Призвав на помощь всю силу убедительности своей материнской любви, она со слезами стала умолять его, не повергать ее во второе вдовство и сиротство, и эти слезы не могли не поколебать его решения. Он отказался от своей мысли и остался в доме матери, хотя теперь уже был совершенно чужд всяких мирских увлечений и всецело предавался подвигам благочестия, изучая священное Писание, которое навсегда сделалось главным источником, напоявшим его жаждущую душу. Вместе с Василием, они посещали особую подвижническую школу, где св. Писание преподавалось известнейшими в то время учителями - пресвитерами Флавианом и Диодором, и эти благочестивые учителя и особенно Диодор окончательно укрепили его в мысли посвятить себя подвигам учительства и благочестия. Вероятно чрез эту школу, а может быть уже раньше, Иоанн сблизился с благочестивым епископом Мелетием, который, обратив внимание на даровитаго и благочестиваго юношу, привязал его к себе и совершил над ним св. таинство крещения. В это время Иоанну было около 22 лет (369 г.). Причина, почему так долго откладывалось его крещение, объясняется отчасти обычаем того времени - откладывать крещение до зрелого возраста, когда пройдут все увлечения молодости, а также, вероятно, и обстоятельствами времени. Антиохийская церковь в это время обуревалась печальными смутами, которыя производились арианами. Захватив власть в свои руки, они дерзко и сильно теснили православных, посеивая притом раздоры и между ними самими, так что благочестивый епископ их Мелетий несколько раз подвергался

изгнанию. В таком положении дело находилось в первые годы детства Иоанна и с промежутками продолжалось в течение более двадцати лет. Поэтому вполне естественно, что глубокопреданная православной церкви Анфуса и с этой стороны имела достаточно оснований откладывать крещение своего сына, чтобы не сделаться сообщницей пагубной ереси. Теперь смута несколько улеглась, епископ Мелетий мог возвратиться в Антиохию и вновь занял свой престол, и христиане Антиохии могли с спокойною совестью и безопасно принимать крещение. Крещение оказало на Иоанна глубокое действие. Если уже и прежде он порешил посвятить себя духовной жизни, то теперь, приняв баню возрождения, он всею душою прилепился к подвигам благочестия, и архипастырь Мелетий, заметив его благочестивую склонность, возвел его в должность чтеца, которая дала ему возможность вполне удовлетворить свою любовь к чтению св. Писания. Чтобы всецело сосредоточиться на этом упражнении, Иоанн даже наложил на себя обет воздержания в слове и - недавний адвокат и оратор - сделался почти молчаливником: удерживался от всякого празднословия и шуток и этим накапливал в себе духовные силы, которых понадобились ему впоследствии.

Между тем в Антиохии опять начались смуты; ариане, пользуясь содействием императора Валента, вновь начали теснить православных и Мелетий сослан был в заточение. Положение православных вообще было тяжело, а служителей церкви в особенности. Для Иоанна прибавилось еще новое огорчение: скончалась его благочестивая мать Анфуса. Он остался одиноким, и тогда он порешил совсем покончить с этим грешным миром, исполненным всяческих смут, тревожений и огорчений, и удалиться в пустыню - для отшельнической жизни. Его друг Василий торжествовал и радовался за своего сверстника, и оба они старались вообще о том, чтобы как можно больше друзей и товарищей своей юности обратить к этому истинному любомудрию. Сам, пылая ревностью к духовному подвижничеству, Иоанн поэтому был тем более огорчен, когда узнал, что один из его друзей, еще недавно предававшийся истинному любомудрию и стремившийся к подвижничеству, изменил своему решению и, увлекшись любовью к некоей Ермионе, задумал оставить отшельничество и жениться на своей возлюбленной. До крайности огорченный этим, Иоанн написал своему другу два чрезвычайно сильных и красноречивых увещания, в которых, оплакав падение своего друга и изобразив суетность мира с его прелестями, призывал Феодора оставить свою суетную

мысль и возвратиться к любомудрию. Увещания - это первое его христиански-назидательное творение - возымели силу и Феодор раскаялся в своей слабости, возвратился к подвижничеству и впоследствии был епископом мопсуестским

Молодые друзья со всем пылом юности отдались духовным подвигам, и Иоанн теперь соперничал с своим другом Василием в делах благочестия: подвизаясь сам, он и других поощрял к подвигам делом и словом, возбуждая в ленивых стремление к небесам - чрез умерщвление своей плоти и порабощение ея духу. Слух о их необычайном подвижничестве распространился по окрестностям, и к ним отовсюду потянулись страждущие духом и телом и получали исцеление. Около этого времени Иоанн написал свои два слова "о сокрушении" к инокам Димитрию и Стелехию, преподав в них урок утешения всем духовностраждущим и сокрушающимся о грехах своих. Православные жители Антиохии удивлялись подвигам молодых иноков, и даже собор епископов пришел к мысли, как хорошо было бы поставить их ближе к церкви, тогда нуждавшейся в самоотверженных пастырях. И вот пронесся слух, что составился уже план взять их обоих и рукоположить во епископов. В те смутные времена подобные случаи были нередки: в сан епископа возводились и молодые люди, если они оказывались достойными этого сана по своему уму и благочестию. Честь предстояла великая, но эта весть чрезвычайно поразила и встревожила Иоанна. Он для того и удалился в пустыню, чтобы в уединении спасти свою душу - вдали от треволнений мира сего, а теперь опять хотят поставить его среди этих треволнений и притом в таком высоком сане, о котором он и помыслить не смел. Поэтому он порешил так или иначе уклониться от этого избрания, и так как его друг Василий оказался более склонным к предъизбранию Божию, то он даже нарочито посодействовал ему в этом, а сам укрылся в пустыню. Василий действительно был взят и рукоположен во епископа и когда, узнав о поступке своего друга, стал сетовать на него, то чтец Иоанн в оправдание себя и в утешение своего друга написал знаменитую книгу: "Шесть слов о священстве", в которой изложил всю возвышенность и трудность пастырского служения. Эта книга сделалась навсегда необходимым руководством для всякаго пастыря душ и из нея именно черпали и доселе черпают себе духовное мужество и силы все истинные пастыри, добре правящие слово истины. Василий, успокоившись от волнения, ревностно предался своему архипастырскому служению и в качестве епископа

рафанского впоследствии участвовал на 2-м вселенском соборе в 381 году. Между тем Иоанн, избегнув епископства, еще сильнее предался своему духовному подвижничеству. В это смутное время, когда в политической жизни чувствовалась тяжелая неопределенность, а в церковной продолжалось пагубное господство ариан, многие благочестивые люди предпочитали за лучшее бросить этот жалкий мир с его смутами, тревожениями и бедствиями, - чтобы в пустыне найти себе полное успокоение. Там в безмолвном уединении, среди вечно прекрасной природы смолкали все злобы мира сего и отшельники могли с облегченным сердцем пещись о спасении своей души. Поэтому окрестные горы Антиохии наполнились отшельниками и из них составилась целая община, которая и вела полную духовных подвигов жизнь. Это были истинные воины Христовы, постоянно стоявшие на страже против нападений плоти. Уже в полночь они поднимались на молитву и оглашали пустынные горы стройным псалмопением. Отдохнув немного, они затем с восходом солнца опять вставали и совершали утреню, после чего каждый занимался в своей келлии чтением св. Писания или списыванием св. книг. В течение дня, в определенные часы, они опять собирались на общую молитву, называвшуюся часами третьим, шестым, девятым и вечернею, а в промежутки занимались разными видами труда, чем добывали себе скудное пропитание. По обету нестяжательности, все у них, как и во времена апостольския, было общее, так что у них неизвестны были самые слова – мое и твое. Трудна и сурова была жизнь этих подвижников, но она находила, себе полное вознаграждение в том душевном мире, который водворяла она, услаждая их надеждой на Божие милосердие и радость о благодати, низливавшейся на них свыше. Четыре года Иоанн провел в этой иноческой обители (375-378 гг.), и суровая жизнь только еще более усилила его ревность к подвижничеству. Правда, для него, воспитавшагося в довольстве, под любящим попечением матери, в богатом доме, где все его нужды удовлетворялись слугами, было труднее чем для кого-нибудь сносить все тягости отшельнической жизни в этой суровой обители подвижников. И действительно, он и сам опасался предстоявших ему трудов, тем более, что и по самой слабости своей телесной он мог не выдержать такого сурового подвижничества. Но слабый телом, он был могуч духом, и не только преодолел все трудности иноческой жизни, но вместе с тем вел и борьбу с опасным духом времени, вздымавшимся против монашества. Этот враждебный монашеству дух начался с воцарением императора Валента. Увлеченный

сетями ариан, Валент оказался жестоким врагом православных и начал против них беспощадное гонение. Зная, что главный оплот православия есть монашество, он всю свою ярость направил против иноков; по его приказанию разорены были знаменитые Нитрийские монастыри и это гонительство закончилось варварским сожжением 24 православных пастырей в Никомидии. Даже язычники негодовали на подобное безчеловечие, но тем не менее нашлось много таких, которые, воспользовавшись настроением императора, и сами содействовали ему, ставя всевозможные преграды для лиц, желавших принять иноческое житие и выставляя иноков врагами отечества и государства. И вот в это тяжелое время Иоанн выступил поборником монашества и написал “три книги к враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни.” В этих книгах он излил весь пыл своего иноческого сердца и красноречиво доказал, какое счастье находит душа в пустыне - в уединенном собеседовании с Богом. Под тем же впечатлением он написал и небольшое разсуждение под заглавием: “Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни”. Эти творения составляют неизсякаемый источник назиданий для иноков и стремящихся к иночеству. Назидая других, Иоанн еще строже относился к себе самому и не удовлетворяясь подвигами общежительного монастыря, наконец удалился из него, чтобы уединенною жизнью в пещере подвергнуть свою плоть еще более суровым испытаниям. Он чувствовал в себе силу Илии или Иоанна Крестителя и подобно им стремился в пустыню, чтобы там вдали от мира приготовить себя на предстоявшее ему великое служение. По своей ревности к подвижничеству он готов бы навсегда поселиться в пустыне; но Промысл Божий судил иначе. Такому великому светильнику не надлежало быть под спудом, в пустыне и в пещере, но нужно было ярко светить всем на свещнице церковном. Суровое подвижничество разстроило здоровье Иоанна и он по необходимости должен был оставить пустыню и возвратился в Антиохию. Там его с радостью встретил блаженный Мелетий и посвятил в сан диакона. Уклонившись раньше от высокого сана епископа, Иоанн теперь смиренно принял сан диакона (380 г.) и с этого времени начался новый период в его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служение Иоанна Златоуста в

сане диакона и пресвитера в Антиохии

(381-398 гг.).

Приняв священный чин диаконства, Иоанн опять возвратился в мир, но уже не как раб его, а как Деятель в нем. Во дни своей юности он увлекался разными прелестями и удовольствиями обыденной мирской жизни; теперь он как служитель Церкви выступил на борьбу с этими прелестями и, исполненный духовного мужества, начал с ревностью исполнять свое служение. Обязанности диакона в то время были весьма сложны. Кроме исполнения поручений епископа и служения в церкви, он должен был особенно заботиться о разных нуждах немощных и бедных христиан. Ему приходилось посещать больных и утешать умирающих, помогать бедным и изыскивать средства на их содержание. Должность трудная, требовавшая полного самоотвержения и любви, но вместе с тем она была и превосходной школой для приготовления к высшему пастырскому служению. В пустыне Иоанн, заботясь о спасении своей собственной души и не видя всех немощей и бедствий, удручающих страждущее человечество, мог ослабеть в своем человеколюбии, так как не видя пред собою несчастных, не трудно и совсем забыть о них. Теперешнее служение вновь поставило его в среду действительной жизни и открыла пред его глазами весь этот мир, полный слез и страданий. И раньше, будучи адвокатом, он мог знакомиться с оборотной стороною мирской жизни; но там самое его занятие побуждало его становиться на сторону сильных и богатых в их тяжбах с слабыми и бедными; теперь же он выступил непреодолимым защитником этих последних, и ему часто приходилось бороться с жадностью богачей, укрощать их хищные посягательства на тощую казну бедняков, защищать обездоленных лиц от притеснений алчных и безсердечных чиновников и таким образом по возможности облегчать жизнь тех труждающихся и обремененных, которых особенно призывал к себе и Спаситель Христос. Таким образом Иоанн принял двойное воспитание: воспитание в пустыне, укрепившей в нем дух и очистившей в нем сердце до способности созерцания Божества, и воспитание в общественной жизни, которая показывает людей в их немощах, бедствиях, неправдах и пороках. Картина печальная, но знакомство с ней было необходимо для него в предстоявшем ему служении, и она именно сделала из него

того истинного пастыря и благотворителя страждущих, каким он стал впоследствии. Первое серебро, которое он отдал бедным, было его собственное, и с этого времени до самой смерти он ничего не называл своим, и все, что имел, считал принадлежностью бедных.

С саном диаконства не соединялось церковное учительство, принадлежавшее пресвитерам, да и самые обязанности этого, преимущественно благотворительного служения, не давали времени и возможности для такого учительства. Но не выступая с словесным учительством, Иоанн не оставлял учительства письменного, и к этому времени относятся несколько его замечательных разсуждений, каковы “Три слова к подвижнику Стагирию”, в которых он преподавал одному из друзей своей юности утешение в объявшем его унынии, доказав, что все в человеческой жизни находится под ведением Промысла Божия и потому все направляется к лучшему и именно к посрамлению исконного человеконенавистника - дьявола, а также разсуждения “О девстве” и “К молодой вдове”. Оба эти разсуждения исполнены самых возвышенных мыслей, а последнее отличается тем большею сердечностью, что в нем Иоанн мог сослаться на пример своей собственной матери, которая нашла себе достаточное утешение во вдовстве, всецело посвятив себя материнской заботе о достойном воспитании своего сына. Во всех этих разсуждениях Иоанн выступал строгим ревнителем телесной чистоты и в них содержится все, что только может служить к укреплению духа в борьбе с искушениями плоти. Наконец можно думать, что в это время им издана в окончательно обработанном виде и книга “О священстве”, которая, сначала написанная лишь для друга Василия и обращавшаяся в тесном кружке друзей, теперь издана была в назидание для всех служителей церкви и всех вообще христиан.

В сане диакона Иоанн прослужил пять лет. Между тем благочестивый епископ Мелетий закончил свою исполненную испытаний жизнь, а на его место избран был уважаемый всеми за пастырское учительство пресвитер Флавиан. Новый епископ был давно уже знаком с Иоанном, который был его учеником по антиохийской школе, и видя в нем полезнейшаго деятеля для церкви, возвел его в сан пресвитера (386 г.). Иоанну было в это время около 39 лет, и он, достигнув возраста мужа совершенного, с полным сознанием важности своего высокого служения вступил в отправление своей должности.

Труд ему предстоял весьма большой. Если где, то именно в Антиохии требовались пастыри, которые имели бы достаточно мужества и ревности, чтобы бороться со множеством всяких препятствий к истинно христианской жизни. Антиохия была одним из самых больших и богатых городов востока. В это время в ней числилось до 200,000 душ, из которых половина была язычники и евреи, а половина - христиане. Доживавшее свой век язычество здесь имело своих виднейших представителей, которые, не желая признать очевидно торжествовавшее победу христианство, силились выставить против него жалкие обрывки своей учености и философии и в то же время незаметно подновить само язычество, истолковывая его в более возвышенном смысле, чем в каком оно обыкновенно понималось. В языческих школах преподавали знаменитые по тому времени риторы и философы, у которых учились даже христиане, при чем многие из последних не могли не заражаться воззрениями своих учителей. С другой стороны евреи, сильные своим богатством и промышленностью, держали население в своих руках и, как ненавистники христианства не прочь были иногда заключать союз даже с язычниками, чтобы так или иначе наносить удары ненавистной для них религии Креста. Затем уже самая совместность жизни христиан с язычниками и евреями, с которыми их по необходимости должны были связывать многочисленные деловые, торговые и промышленные интересы, естественно накладывала на них своеобразную печать, и в них не могло уже быть той цельности и непосредственности религиозного настроения, какая бывает в городе, населенном одними только христианами. В огромной части это были еще полуязычники. Они приняли христианство как религию, исполняли ее внешние предписания и постановления, но духом ее еще мало была проникнута и в жизни много было нравов и обычаев, отзывавшихся язычеством. Под влиянием такой смеси убеждений среди христиан постоянно выступали учителя, которые хотели собственным разумом, на подобие языческих философов и раторов, постигать и переделывать христианство. Отсюда между различными учителями являлись споры и распри, образовывались различныя направления и партии, которые вели между собою часто ожесточенную борьбу, вносящую крайняя смуты в церковную жизнь. Некоторые учителя прямо выступали проповедниками ересей и разных заблуждений, становились во главе расколов и все это вместе делало антиохийскую церковь подобною кораблю, обуреваемому непрестанными ветрами. Тут были представители разных ересей - и ариане, и аномеи, и гностики в их различных видах,

были вожаки расколов, и пастырям церкви необходимо было бороться со всеми этими врагами истинной веры. Но рядом с религиозными нестроениями были и нравственные и общественные. Если не чиста была религия, то не могла быть высокой и нравственность. Конечно, были люди высокоблагочестивые, вполне достойные своего звания, но большинство вело жизнь полуязыческую, предавалось страстям и всевозможным неприличным для христиан увеселениям. Для них театры или цирки были более привлекательны, чем церкви. А вместе с тем мало было и христианской любви к ближним. Как и вообще в больших промышленных городах, так и особенно в древности рядом с несметными богатствами ютилась самая жалкая бедность. Рядом с великолепными дворцами и палатами богачей, не знавших, как и чем тешить свои похоти, жили бедняки, которые не уверены были за завтрашний день и часто погибали от голода и болезней, - и эти противоположные крайности тем более бросались в глаза, что древность вообще мало знакома была с благотворительностью: беднякам и бедным предоставлялось самим заботиться о себе в своей злосчастной судьбе. Отсюда естественно происходили разные общественные смуты, и если богачи старались удовлетворять свою алчность всевозможными притеснениями бедных, то в свою очередь последние при всяком удобном случае старались отомстить своим притеснителям, и Антиохия была неоднократно свидетельницей кровавых мятежей, в которых до необычайности разыгрывались все самые дикие страсти, находившие себе богатую пищу в разности населения по религии, племени и состоянию. Чтобы добре править столь обуреваемым кораблем церкви, поистине необходимы были доблестные и самоотверженные пастыри.

Таковым именно и был Иоанн. Сам родом из Антиохии, он знал свой родной город со всеми его хорошими и дурными сторонами, знал не только по внешности, но проникал и во все тайны его внутренней жизни. Лучше пастыря для Антиохии и не могло быть. Это вполне сознавал благочестивый епископ Флавиан и, ценя в своем ученике незаменимого помощника, предоставил ему самую широкую свободу деятельности и главным образом свободу проповедания. В сане диакона Иоанн занимался лишь делами благотворительности, теперь он выступал в качестве церковного учителя, и сразу обнаружил свои необычайные дарования. Уже первая, произнесенная им проповедь, именно по случаю посвящения его в сан пресвитера, произвела на многочисленное собрание молящихся, прибывших на торжество посвящения своего

любимого диакона, превосходное впечатление. Но эта проповедь скорее говорила о скромности и необычайном смирении проповедника, чем о его достоинствах. Зато чем дальше, тем более развертывался талант нового проповедника, и по разновременной и разноплеменной Антиохии, жадной ко всяким новостям и слухам, быстро разнеслась молва, что явился проповедник, которого стоит послушать. И храм, где он служил и проповедывал, всегда наполнялся слушателями, которые с изумлением и восторгом внимали вдохновенным речам Иоанна. Антиохийцы любили красноречие и поэтому высоко ценили таких риторов, как Ливаний. Но теперь они слышали оратора, который далеко превосходил и этого знаменитого ритора, и превосходил самую силою и убедительностью своей речи. Ливаний с своим напыщенным красноречием, искусственными словооборотами и звонкими фразами мог увлекать и услаждать слух, но не затрагивал сердца. Напротив его ученик, не прибегая ни к какому искусственному словосплетению и не увлекаясь звоном фраз, поражал необычайною жизненностью своей речи: у него каждое слово дышало силою и жизнью, потому что бралось из известной всем действительности и пояснялось примерами, которые были одинаково понятны и высокообразованному патрицию и самому последнему земледельцу. Таких проповедей еще никогда не раздавалось в Антиохии, и жители ее с изумлением внимали словам проповедника, который вполне овладевал их сердцами, так что они то трепетали от изображения ужасов гнева Божия, то ликовали от надежды на безконечное милосердие. Когда вдохновенный проповедник изобличал пороки своего города, - бичевал алчность и немилосердие богачей, низость и мятежность бедных, тщеславие и хищничество чиновников, пустоту и развращенность женщин, то стоявшие в храме не могли не краснеть и не содрогаться от сознания своей порочности, а когда проповедник заключал свое вдохновенное слово призывом к покаянию и исправлению, с обетованием высшей помощи в этом святом деле, то слушатели не выдерживали, и прерывали речь проповедника оглушительными рукоплесканиями. Антиохийцев особенно удивляло и то, что Иоанн не читал своих проповедей, а произносил их от полноты своего сердца, вел живые изустные беседы с своими слушателями. Никогда раньше ничего подобного не было в Антиохии, и никто еще никогда не проповедывал слова Божия - без книги или свитка. Иоанн был первый такой необычайный проповедник. Из уст его изливалась такая благодать, что слушатели не могли ни надивиться, ни насытиться его беседами. Поэтому не преминули явиться в церкви

скорписцы, которые записывали за проповедником и записи свои передавали и продавали многочисленным желающим. Проповеди его сделались предметом всеобщего разговора, и оне прочитывались даже за пиршествами и на торжищах, и многие заучивали их наизусть. Когда становилось известным, что будет вести беседу этот сладкословесный ритор, то весь город приходил в движение: купцы оставляли свою торговлю, строители - свое строительство, адвокаты - судилища, ремесленники - свои ремесла и все устремлялись в церковь, так что послушать Иоанна считалось особенным счастьем, и все соперничали в придумывании похвальных ему слов: одни называли его "устаами Божиими и Христовыми", другие сладкословесным, третьи - медоточивым, и таким образом уже в это время голос народа как голос Божий создавал для него то прозвание - Златоустаго, под которым имя его увековечено в истории и церкви Христовой. Предание сохранило и самый случай, при котором произошло это прозвание. Не ограничиваясь нравственными наставлениями, Иоанн иногда выступал с догматическим учением о возвышенных истинах религии, и нередко вдавался в такую богословскую премудрость, которая оказывалась недоступною для многих слушателей. При одном таком случае, одна простая женщина, с благоговением слушая поток речи великаго проповедника, никак не могла проникнуть в смысл этих сладких для слуха слов и чисто с женскою нетерпеливостью закричала ему из народа: „Учитель духовный, или лучше сказать - Иоанн Златоустый, ты углубил колодезь святого своего учения на столько, что наши короткие умы не могут постигать его"! Народ подхватил высказанное женщиной название и, увидев в нем указание Божие, порешил отселе звать своего любимаго проповедника Златоустым . Этот случай между прочим не остался без влияния на самого Иоанна. Он убедился, что обращаться к народу с „хитросплетенным словом" бесполезно, и после этого всегда старался украшать свои беседы простыми и нравоучительными словами, так чтобы даже и самый простой слушатель мог понимать его и получать духовную пользу. Проповеди Иоанна имели тем больше силы и значения, что у него дар слова соединялся и с даром чудотворения, так что многие недужные получали от него не только душевное утешение, но и телесное исцеление.

Если и вообще Иоанн любил проповедывать слово Божие, так что не проходило такой недели, в течение которой он не сказал бы той или другой беседы, а иногда проповедывал и по два и по три раза в неделю, то, при особенных случаях, еще более усиливалась его ревность и еще сильнее разгоралось

вдохновение. К первым годам его пресвитерского служения относится состоявшееся чествование памяти высокочтимого Антиохией архиепископа Мелетия. Он скончался в 381 году в Константинополе и тогда же прах его перевезен был в Антиохию, но вследствие неблагоприятных обстоятельств, только уже, по истечении пяти лет антиохийцы получили возможность должным образом почтить память своего глубокочтимого святителя. И это торжественное чествование, по всей вероятности, состоялось под влиянием самого Иоанна, глубоко чтившего память Мелетия, как архипастыря, который особенно много содействовал его духовному возрождению и укреплению. Чествование состоялось в первом году пресвитерского служения Иоанна, и по случаю этого торжества он произнес похвальное слово, в котором с неподдельным чувством благоговения к памяти почившего архипастыря, изобразил его значение для церкви, а также любовь пасомых к своему благочестивому архипастырю. Почтение их к нему доходило до того, что в честь его давались имена детям и изображение его многими носилось на перстнях, делалось на печатях, на чашах и на стенах чертогов, так что великий святитель, и отойдя от мира сего, продолжал жить с своею паствою. Речь произвела на всех неизгладимое впечатление и имя сладкогласного проповедника сделалось неразлучным с именем великого антиохийского святителя. Но вскоре антиохийцы должны были еще более убедиться, какого великого пастыря имели они в лице Иоанна.

Прошло два года его пастырского служения в Антиохии. Приближался великий пост 388 года, и великий проповедник предвкушал богатую жатву на ниве народного покаяния. Но вдруг случилось событие, которое должно было направить его мысли на другой предмет. Население Антиохии издавна отличалось мятежностью, и народные страсти не раз вспыхивали с ужасною силою. То же случилось и теперь, и притом в необычайных размерах. Империя уже в течение почти десяти лет наслаждалась миром под мудрым управлением Феодосия, который, вступив на престол при самых трудных обстоятельствах, когда отовсюду угрожали варвары, своею храбростию сумел обезпечить государство совне и благоустроить его внутри. Как нежный отец, он за четыре года пред тем возвел своего сына Аркадия в сан Августа, и так как приближалось пятилетие этого важного для его сына события, то он порешил отпраздновать его самым торжественным образом по всей империи, а в видах экономии присоединил к этому и торжество в честь десятилетия своего

собственного царствования (хотя до исполнения его оставался еще год). Подобные празднества обыкновенно связывались с большими расходами, так как всем войскам раздавались щедрые подарки, по пяти золотых на человека. Чтобы не обременять государственной казны, Феодосий задумал обойтись сбором с больших богатых городов, которые за время его мирного царствования накопили огромные богатства. Но эти города менее всего оказались благодарными и вовсе не имели желания принять на себя расходы по общегосударственному торжеству. Первою возстала против императорского эдикта Александрия, а за ней последовала и Антиохия. Когда императорский эдикт о налоге был прочитан в Антиохии, то местные сенаторы, забыв свое достоинство, повскакали с своих мест и, выбежав на улицу, начали кричать, что новый налог раззорит Антиохию и принудит ее жителей продавать свои имущества, своих жен и детей. Эти жалобы пали как искры на горючий материал. В Антиохии, как и во всех больших городах, была масса бездомных бродячих людей, которые готовы были воспользоваться всяким удобным случаем для мятежа, и они сейчас же пришли в движение, а за ними взволновалось и все население. Возбужденная толпа сначала направилась к дому епископа Флавиана, чтобы просить его походатайствовать об отмене налога; но так как его не оказалось дома, то все более возрастающая толпа начала производить буйства в городе, разрушила одну из самых богатых общественных бань и затем с яростными криками двинулась к дому губернатора, или претора. Правитель, захваченный неожиданно этим мятежем, счел за лучшее скрыться чрез потайные двери дома, и толпа ворвалась в самую преторию. Тут пред глазами ее открылось величественное зрелище: на самых видных местах безмолвно стояли статуи самого императора Феодосия, его супруги (уже покойной) императрицы Флациллы, сына их Аркадия и других членов императорского дома. Толпа почувствовала невольное благоговение пред этими безмолвными образами императорского величия и более благоразумные стали увещевать народ разойтись. Но дело испорчено было несколькими шалунами мальчиками, которые, сами не сознавая всей тяжести своего преступления, стали бросать камнями в эти статуи, и когда один из шалунов метко ударил в одну из статуй, то обаяние толпы было разрушено и удар камня послужил сигналом к новому взрыву буйства в толпе. „Долой тиранов“ - заревела толпа, и при свирепых криках начала ломать и разбивать императорские статуи, которые с разными издевательскими влачили по улицам и в обезображенном виде были сброшены в реку Оронт.

Но лишь только совершилось это гнусное буйство, как сам народ опомнился и, сознав всю гнусность своего преступления, впал в страшное уныние, справедливо ожидая строгого наказания. Преступление было действительно великое. Император Феодосий мог все простить, даже нанесенное ему оскорбление, но - не оскорбления, нанесенного его любимой, оплакиваемой им жены Флациллы. Антиохийцы могли вполне ожидать страшного мщения со стороны оскорбленного императора. Он мог сжечь и разрушить Антиохию, а жителей ея казнить немилосердно или продать в рабство. Одна мысль о совершившемся приводила всех в ужас и оцепенение. Но что теперь делать? Кто может защитить антиохийцев от заслуженного ими мщения? Никто, кроме Бога, и народ с плачем бросился в церкви, ломая руки и в отчаянии колотя себя в грудь. Если когда, то теперь именно ему нужно было слово утешения и все жаждали его услышать из уст златоустаго Иоанна. Доблестный пастырь не остался равнодушен к бедственному положению своей паствы, но совершившееся преступление было так велико, что пред ним сомкнулись и его золотые уста. Пораженный невыразимым горем, он безмолвствовал в течение недели, как бы желая дать народной душе глубже почувствовать все безумие и греховность совершенного им буйства. Наконец уже в субботу или воскресенье сыропустной недели он с глубокою печалью на челе явился к народу и не преминул обратиться к нему с словами пастырского утешения и назидания, и теперь более чем когда-нибудь народ чувствовал всю сладость вдохновенных речей своего любимого сладкословесного проповедника. "Что сказать мне или о чем говорить? - начал он среди вздохов и плача собравшихся. - Время слез теперь, а не речи; рыданий, а не слов; молитвы, а не проповеди. Содеянное так велико, рана столь неисцелима, язва так глубока, что она выше всякаго врачевства и требует высшей помощи. Дайте мне оплакать настоящее бедствие. Семь дней молчал я, как друзья Иова: дайте мне теперь открыть уста и оплакать это общее бедствие. Кто пожелал зла нам, возлюбленные? Кто позавидовал нам? Откуда такая перемена? Ничего не было славнее нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народ столь тихий и кроткий, всегда покорный делам правителей, теперь вдруг разсвирепел, так что произвел такие буйства, о которых и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь - не от важности угрожающего наказания, а о крайнем безумстве сделанного. От плача прерывается голос мой, едва могу открывать свои уста, двигать языком и произносить слова"... Вопли народа и

особенно женщин и детей прерывали и заглушали эти потрясающие слова Златоуста. Но он не оставил своей паствы в этом отчаянном состоянии и преподал ей слова утешения, которыми отер горькие слезы, утешил боли сердец и успокоил всех надеждой на милосердие Божие. Нужно во всем и всегда полагаться на Бога. “Христианину, говорил он, должно отличаться от неверных и, ободряясь надеждою на будущее, стоять выше нападения зол человеческих. Итак, возлюбленные, перестаньте отчаяваться. Не столько мы сами заботимся о своем спасении, сколько заботится о нас создавший нас Бог”.

С облегченным сердцем народ разошелся по домам. Между тем о нем уже заботился и его престарелый архипастырь. Когда из Антиохии прискакали в Константинополь гонцы с извещением о мятеже и своими рассказами могли настроить императора к самому ужасному, беспощадному мщению, престарелый святитель Флавиан порешил сделать все возможное для смягчения царского гнева. Он был уже в преклонных летах и немощен телом; но не смотря на это, он порешил лично отправиться в столицу, чтобы своим ходатайством утишить праведный гнев императора. Путь был далекий и трудный, особенно для старца ; но он как истинный пастырь готов был положить душу свою за своих овец, и действительно немедля двинулся в путь, стараясь даже предупредить гонцов. К несчастью, глубокие снега задержали его в горах Тавра, и гонцы прибыли раньше его; но он не пал духом и, преодолевая все препятствия и трудности, продолжал свой путь, пока с трепетным сердцем не прибыл в столицу. Никто не мог угадать, чем закончится это ходатайство любвеобильного, самоотверженного старца-архипастыря. Поэтому народ находился в необычайно томительном состоянии, и вот в это-то ужасное томительное время Иоанн и был истинным утешителем страждущаго народа. Изо-дня в день, почти непрерывно в течение двадцати двух дней он выступал с словами назидания и утешения пред своей несчастной паствой, и народ с трепетным вниманием слушал своего златоустаго пастыря, который в своих знаменитых “Беседах о статуях” то с необычайною живостью изображал пережитые ужасы и буйства, возбуждая в народе стыд и негодование на свое собственное безумство и вызывая слезы раскаяния, то неподдельными чертами рисовал безконечность милосердия Божия, пробуждая тем сладостную надежду на помилование, и народ каждый раз выходил из церкви все с более и более очищенным и успокоенным сердцем, возсылая Господу Богу благодарение за то, что ему

выпало на долю неизмеримое счастье иметь столь великого и поистине добраго пастыря-проповедника.

Свои беседы к антиохийскому народу Иоанн продолжал в течение почти всего великого поста, и оне представляют поразительное доказательство того духовного взаимообщения, в котором жил и действовал знаменитый пастырь. Так как умы всех были заняты одним и тем же вопросом, как-то поспеет престарелый архипастырь прибыть в столицу, как-то примет его император и каков будет исход его ходатайства, то и златоустый проповедник всецело занят был этими же самыми мыслями, и каждое известие или о путешествии Флавиана или о его ходатайстве служило исходной точкой для его бесед, которыя поэтому и выслушивались всеми с трепетным сердцем и глубоким вниманием. Между тем приближалась развязка. Гонцы опередили престарелаго Флавиана и раньше его передали императору известие о мятеже и нанесенном ему оскорблении. Император немедленно отправил особых уполномоченных сановников произвести строжайшее дознание, и вот эти сановники уже прибыли в город и начали не только производить расследование, но и расправу. Город объявлен был лишенным присвоенных ему прав и преимуществ, произведены были многочисленные аресты виновных, которых было так много, что в темницах не оказалось для них мест, и они были заперты в огромной загороди без кровли. Все население впало в уныние и отчаяние и, повидимому, ни откуда не было надежды на спасение. Но вот когда полномочные сановники в третий день своей расправы ехали к месту своего публичного заседания, им загородили дорогу какие-то странные люди - с истощенными постными лицами. Это были окрестные отшельники, которые, услышав о страшном бедствии, постигшем Антиохию, оставили свои пещеры и явились в город, чтобы оказать посильную помощь несчастным. Не имея ничего общего с этим греховным миром и никого не боясь кроме Бога, они смело выступили пред полномочными сановниками и умоляли их - даровать милость и прощение Антиохии. Особенно неустрашимо действовал и говорил один из них, маленький немощный старец Македоний. Ухватившись за плащ одного из сановников, он заставил его сойти с коня, и когда тот сошел, начал его и другаго полномочнаго убеждать, чтобы они испросили у императора милости и прощения несчастному городу. Ведь император - человек, и он может понять, как опасно для человека губить подобных ему. В состоянии ли он будет воскресить тех, которые падут жертвою

его гнева? Пусть вспомнить о гневе Божиим. Сановники были поражены этими словами необычайного отшельника, глубоко уважавшагося народом, и обещав походатайствовать пред императором, двинулись дальше к претории, где уже с трепетом ожидали их толпы людей, приговоренных к смерти. Но тут они встречаются с новой преградой: у самых ворот претории их встречает сонм епископов и пресвитеров, среди которых на самом видном месте был и Иоанн Златоуст, и эти истинные пастыри заявляют, что они не пустят сановников в преторию, пока не получат от них обещания помиловать осужденных; они могут войти в преторию только чрез их трупы. И затем, обнимая колена сановников, они то смиренными мольбами, то угрозами страшного гнева Божия за безчеловечие настолько растрогали их, что они произнесли прощение, слух о чем мгновенно разнесся по огромной толпе народа и все, как пастыри, так и пасомые со слезами радости благодарили их за такое милосердие. Один из сановников, благородный Кесарий, немедленно отправился в Константинополь, чтобы донести обо всем совершившемся и ходатайствовать пред императором за несчастный город.

Когда он поспешно ехал к столице, там в это время престарелый Флавиан употреблял все усилия, чтобы добиться аудиенции у императора и испросить милости к своей преступной пастве, но усилия его оставались тщетными. Разгневанный император и слышать не хотел о ходатайстве старца-епископа за преступный город и не давал аудиенции. Глубоко огорченный архипастырь уже отчаявался в успехе своего дела, как прибыл Кесарий и, объяснив императору положение дела, склонял его помиловать неразумный город, который уже достаточно понес наказание за свое безумство. Император колебался и не давал окончательного решения. Но тогда-то к нему и допущен был Флавиан, который окончательно смягчил гнев государя. Смирненно представ пред императором, он с глубокоудрученным видом стал поодаль и не смел поднять своих глаз. Видь почтенного архипастыря, так страждущаго за свою паству, тронул доброе сердце Феодосия: он сам подошел к епископу и уже более взволнованным, чем суровым голосом стал упрекать антиохийцев в неблагодарности за все те многочисленные права и преимущества, которые были даны им. Флавиан с глубоким волнением, но в то же время и с самообладанием объяснил императору все безумство деяний несмысленной черни, которая более заслуживает сожаления, чем гнева, и просил милости своему несчастному городу. Император конечно может сжечь и разрушить Антиохию, и она

действительно достойна даже более жестокого наказания; но он должен помнить, что и над ним есть Царь Небесный, Который заповедал всем людям взаимное милосердие, говоря – “если вы будете оставлять людям прегрешения их, то и Бог оставит вам согрешения ваши”. Речь престарелаго епископа произвела на императора сильное впечатление. Сердце его смягчилось и он воскликнул, что если Владыка мира, сошедший на землю и распятый теми, кому Он принес величайшее благодеяние, молился Отцу Своему Небесному за Своих ярых врагов, говоря: “прости им, не ведят бо, что творят”, то тем более люди должны прощать нанесенные им оскорбления. Император дал полное прощение городу и торопил Флавиана, чтобы он поскорее отправился в Антиохию и своим известием о помиловании вывел город из его страшного состояния опасений за будущее. “Поспеши скорее, сказал император, иди, утешь их. При виде своего кормчаго они забудут о всех своих бедствиях”. Старец возблагодарил императора за оказанное им христианское милосердие городу, и поспешно отправился с радостным известием, с которым он и прибыл к пасхе. Если вообще радостен был для христиан этот светлый праздник искупления, то теперь он был еще радостнее и торжественнее для антиохийцев. Весть о помиловании опередила Флавиана, и когда он приближался к городу, то все население высыпало к нему на встречу и он торжественно, как в триумфе, принесен был в город. Доблестному святителю, так самоотверженно походатайствовавшему за свой народ, несказанно радовался весь город, но более всех Иоанн, который не преминул произнести восторженное слово по случаю прибытия дорогого архипастыря. “Благословен Бог, - говорил он до слез взволнованным слушателям, - сподобивший нас отпраздновать этот святой праздник с великою радостью и веселием, возстановивший главу телу, пастыря стаду, учителя своим ученикам, первосвященника священникам. Благословен Бог, Который сделал неизмеримо больше того, чего мы просили или о чем помышляли; ибо нам казалось достаточным и того, чтобы на время быть избавленными от угрожающих бед, но милосердый Бог, далеко превосходя Своими дарами наши прошения, возвратил нам нашего отца скорее, чем мы могли ожидать”. И затем Златоуст подробно рассказал всю историю ходатайства святителя за свой народ и в заключение увещевал народ никогда не забывать этого страшного испытания.

Изложенное событие, замечательно во многих отношениях, особенно замечательно тем, что во всей силе обнаруживает,

какое влияние христианство имело на смягчение нравов того времени. Исход этого события сплетает неуываемый венок на чело главных его деятелей, и все они были христиане, пастыри и подвижники церкви Христовой: неустрашимый престарелый епископ, который не убоился ни трудностей далекого пути, ни гнева императора, чтобы только походатайствовать за свой народ; самоотверженные отшельники, которые отбросив свое безмятежное жительство в безмолвной пустыне, явились в мятежный город спасать человеческия души, и особенно величайший пастырь и учитель этого народа, изо дня в день произносивший дивныя беседы, которыя за это страшное время томлений и ужасов неустанно раздавались то как угрозы праведнаго судии, то как ласки глубоко любящаго отца и производили потрясающее, неизгладимое впечатление на сотни тысяч населения. И эти речи отзывались в сердцах не только христиан, но и язычников. По случаю смятений были закрыты общественныя бани, театры и другия места удовольствий и развлечений, открыты были только христианския церкви, и в одной из них постоянно лилась золотым потоком речь сладкословеснаго проповедника. Если и прежде язычники, из любви к красноречию, не прочь были послушать знаменитаго христианскаго учителя, которым когда-то восхищался знаменитый ритор Ливаний, то теперь, во времена общественного бедствия, они массами шли слушать Златоуста, в надежде почерпнуть утешение и для своей страждущей души. И тут они с изумлением слушали, как христианский проповедник с неотразимою силою изобличал пороки и безумства, отличавшие их большой и распущенный город, как он на подобие трубы призывал всех к покаянию и исправлению. Язычники из слов проповедника с несомненною убеждались в том, насколько суетны и мимолетны земныя почести и богатства, как они не в состоянии удовлетворить требований сердца и спасти жизнь во время опасности и бедствия и насколько выше их христианское упование, полагающее цель и высшее благо жизни в негибнущих сокровищах загробнаго мира. Они слышали тут, что добродетель есть единое негибнущее благо и грех есть единое действительное зло, что для добродетельнаго человека смерть есть только переход к более счастливой или блаженной жизни и что бедствия земли полезны в том отношении, что очищают и возвышают души. И этот мир, в котором так много суеты и бедствий всякаго рода, получал в их глазах новый интерес, когда они слышали от знаменитаго христианскаго проповедника, что существует превечный и всемогущий Творец, Который как отец печется о

всех людях, простирая Свое промышление даже до того, что без Его воли не падает волос с головы, и пред ними во всем величии открывалось все превосходство христианской веры над их мрачным языческим суеверием, которое не давало человеку просвета в жизни и надлежащих нравственных сил для исправления. Тогда многие из этих невольных слушателей Златоуста, вполне убедившись в суете своего идолопоклонства, принимали веру Христову и крестились, и Златоуст с радостью сообщает, что вскоре по возвращении Флавиана он много занят был “утверждением в вере тех, которые вследствие бедствия опамятовались и оставили свое языческое заблуждение”. Таким образом страшное событие, во всем ужасе обнаружившее дикость человеческой природы, когда она поддается страстям, вместе с тем по неисповедимым путям Промысла Божия послужило поводом к торжеству христианства, и царство Божие на земле пополнилось многими членами, дотоле пребывавшими во тьме языческого заблуждения.

Пережитая Антиохией страшная события требовали от самоотверженного пастыря столько необычайного душевного напряжения, что оно даже неблагоприятно отозвалось на его здоровье и он несколько времени проболел; но оправившись от болезни, он вновь с прежнею ревностью принялся за свое пастырское служение, и Антиохия еще в течение целых десяти лет пользовалась вдохновенным учительством и назиданием своего златословесного пресвитера-проповедника. Не только из недели в неделю, но можно сказать изо дня в день антиохийская церковь имела великое счастье слушать беседы златословесного пастыря, который не знал устали на своем пастырском служении и, сам глубоко изучив книги священного Писания, поучал в нем и своих слушателей, открывая пред ними тайны чудесного домостроительства Божия о спасении людей. Обладая изумительною способностью отзываться на все явления общественной жизни и на все движения человеческой души, св. Иоанн не оставлял без внимания ни одного выдающегося события из его времени или явления в окружающей его жизни, и лишь только случалось что-нибудь такое, что приводило народ в смущение или смятение, в страх или уныние, как немедленно выступал Иоанн с своим словом, и народ массами устремлялся слушать его, в уверенности, что если кто, только именно его любимый пастырь Иоанн может развеять все страхи и недоумения и водворить желанное спокойствие. Случалось ли одно из тех землетрясений, которые так часто посещали Антиохию, производили ли

буйство язычники и евреи, происходило ли разделение среди самих православных, возбуждался ли вечный вопрос об отношении богатых и бедных, господ и рабов, родителей и детей, - на все эти явления текущей жизни немедленно отзывался Иоанн, и потому-то его беседы имели глубоко жизненный характер и были одинаково понятны всем классам населения. Вследствие этого между пастырем и паствой образовалась глубокая нравственная связь, которая представляет вечно поучительный пример того, чем может быть истинный христианский пастырь для своей паствы. Сам Иоанн с поразительной прямою и откровенностью изображает эту связь, и некоторые черты этих отношений неизлишне изложить здесь, так как они проливают яркий свет на самый характер его личности и пастырского служения в Антиохии.

При рассмотрении пастырской деятельности Иоанна с этой стороны невольно припоминается изречение божественного Пастыреначальника, Который, определяя идеал отношений между пастырями и пасомыми в церкви Божией, говорил, что "добрый пастырь знает своих овец и овцы знают его и слушают голоса его". Много в истории христианской Церкви было пастырей, стремившихся осуществить этот образец в своей жизни и деятельности, но самый замечательный пример осуществления его в пределах возможности для человеческих сил представляет именно святой Иоанн Златоуст. Тут мы видим поразительное зрелище, что сердце народа так сказать жило неразрывною жизнью с сердцем пастыря, который всецело посвятил себя благу своих пасомых. Между ними установилась такая крепкая связь, такая безграничная любовь, что повидимому не могли существовать ни пастырь без народа, ни народ без пастыря. Достаточно было пастырю, под влиянием естественного утомления или болезни, приостановить свои беседы или на несколько дней удалиться за город для отдыха и освежения в пустыне, как город становился печальным, как будто его поразило какое-нибудь великое несчастье. Но достаточно было вновь явиться Иоанну, как город вновь оживал, повсюду раздавались радостные восклицания и будто наступал великий праздник. С своей стороны теми же чувствами волновался и сам пастырь, который также не мог жить без своей паствы. "Я отсутствовал только в течение одного дня, говорил он по возвращении из одного небольшого путешествия, и мне казалось, что уже в течение целого года я пробыл вдали от вас, - настолько я печалился и скучал! По скорби, испытанной вами, вы можете судить и о моей. Когда малага ребенка отрывают от груди

матери, или уносят его, он вертится и оглядывается, ища ее; так когда и я был оторван из среды вас, как от груди материнской, все мои мысли устремляли меня к этому священному собранию” . В другой раз, когда по случаю болезни он должен был безвыходно пробыть в своем доме в течение нескольких дней, по выздоровлении он говорил: “Сегодня, вновь находясь среди вас, я испытываю такое же чувство, как если бы возвратился из долгаго путешествия. Когда два друга не могут видаться между собой, что пользы, если они даже живут в одном и том же городе? Не покидая своего дома, я был также отчужден, как если бы великое расстояние разделяло меня от вас, потому что я не мог беседовать с вами... При моих страданиях более всего удручало меня то, что я не мог принимать участия в этом возлюбленном собрании, и теперь, когда я выздоровел, своему здоровью я предпочитаю удовольствие свободно пользоваться вашею любовью. Жажда от горячки не бывает сильнее, чем желание вновь свидеться с нашими друзьями, когда мы были лишены их. Как горячечный жаждет свежей воды, так отсутствующий друг жаждет своих друзей” . При другом обстоятельстве, когда Иоанн, подавленный неустанными трудами, отправился отдохнуть и подышать горным воздухом пустыни, к нему полетели письма со стороны пасомых, которые умоляли его возвратиться поскорее, и он возвратился, хотя здоровье его требовало бы еще отдыха и укрепления. Взойдя на свою кафедру, он говорил: “Неужели правда, что вы помнили обо мне в мое отсутствие? Что до меня, то я не мог забыть о вас ни на мгновение. Плененные телесной красотой, повсюду, где только ни ходят, носят в своей мысли любимый образ; так и мы, плененные красотой ваших душ, повсюду носили ваш образ в сердце своем. И как живописцы чрез соединение красок воспроизводят вид предметов, так и мы, представляя себе вашу ревность к нашим беседам, вашу любовь к проповеди, ваше благоволение к проповеднику и все отличающее вас добро, делали из ваших добродетелей, как из красок, образ ваших душ; созерцание его облегчало нам скуку отсутствия. Сидя или стоя, в покое или движении, в доме или вне его, везде и всегда мы были преследуемы этими мыслями; даже самые сны наши заняты были вашею любовью, и во время ночей, как и в течение дня мы питались сладостью этих воспоминаний, повторяя слова Соломона: “Аз сплю, а сердце бдит”... (Песн. II. V, 2). Я уступил вашим настояниям, предпочел скорее возвратиться не выздоровев, чем, ожидая своего выздоровления, испытывать вашу любовь... Вот почему я встал и пришел к вам” . Вот поистине

добрый пастырь, готовый положить душу свою за овец своих!

Но добровольно подчиняясь этой до крайности сильной любви своей пастве и потворствуя ей в этом отношении даже до пренебрежения своим здоровьем, Иоанн не упускал случая укорить своих слушателей за легкомыслие и увлечение внешними красотами речи, а не ее внутренним содержанием, требовавшим нравственного возрождения. Когда слушатели, в восторге от увлекательных бесед своего любимого проповедника, по обычаю тогдашнего времени разражались громом одобрительных рукоплесканий, Иоанн строго говорил им: “я не желаю не ваших рукоплесканий, ни этого шума. Все мое желание, чтобы вы, в безмолвии выслушав то, что я говорю вам, применяли это наставление к жизни. Вот похвалы, которых я желал бы... Вы ведь не в театре, ни перед актерами, здесь школа духовная, и вы должны доказывать свое послушание вашими делами. Только тогда я буду считать себя вознагражденным за свои труды” . Такие укоры конечно многим не нравились, и находились люди, которые даже не стыдились поносить проповедника и смущать совесть его паствы. На борьбу с этими злыми людьми Иоанн должен был не мало тратить времени и трудов; но он с безграничным самоотвержением прощал все такие злословия, когда они касались лично его. Зато глубокою скорбью поражалось его сердце, когда по тем или другим причинам слушатели охладевали к его беседам и увлекались какими-нибудь новыми театральными увеселениями. Подобные явления бывали нередко среди этого горячаго, страстного, легкомысленнаго и подвижнаго народа, который быстро менялся в своем настроении и в один день мог портить то, что созидалось годами. Как ни дорог был им златословесный проповедник, о котором они тосковали, когда не видели или не слышали его в течение нескольких дней; но достаточно было устроить в театре какой-нибудь необычайный гипподром с его увлекательными скачками, как антиохийцы покидали церкви и устремлялись смотреть на лихих скачки. Такое непостоянство и легкомыслие до крайности огорчало великаго проповедника, и он неоднократно с горечью восклицал: “Неужели напрасно тружусь я? Неужели сею я на камне, или среди терновника? Опасаюсь, что мои усилия не приведут ни к чему” . Еще более огорчало его неблагоговейное поведение в церкви. “Можно ли сказать? Церковь сделалась театром! Сюда приходят женщины одетые с большим неприличием и безстыдством, чем те, что блудодействуют там. За собой они привлекают сюда и безстыдников. Если кто хочет соблазнить женщину, ни какое место, мне думается, не кажется ему удобнее церкви; и

если кому нужно продать или купить, церковь ему кажется удобнее, чем площадь. Здесь сплетничают, здесь выслушивают сплетни более, чем где-нибудь, и если вы желаете знать новости, то здесь вы узнаете их более, чем у судилища, или в приемной врачей... Терпимо ли это? Можем ли мы снести это? Каждодневно я утомляюсь и терзаюсь из-за того, чтобы вы вынесли отсюда полезное назидание, а вы уходите с большим вредом, чем с пользой” . Но приступ негодования и гнева тотчас же уступал место любви и прощению, лишь только проповедник замечал действие своего укора. Не вынося своей собственной суровости, он уже спешил загладить ее и просил прощения у своих легкомысленных духовных детей. “Чувствую, говорил он, что я употребил слишком жестокие укоры. Простите меня. Так бывает со всякой болящей душой. Но это я говорю не от враждебного сердца, а от беспокойства за вас любящей души. Поэтому ослабляю свою суровость” . Бывали случаи, когда непостоянство и ветряность антиохийцев еще более выводили Златоуста из терпения и он метал в них громы праведного гнева, но и среди этих раскатов обличения и укоров всегда слышался господствующий тон любви. Пастырь строго укорял свою паству потому, что любил ее, и она смиренно сносила его заслуженные укоры, потому что и сама любила его. Это были два друга, соединенные между собою неразрывными узами любви и преданности. Серьезная и глубокая, равно как и святая любовь Иоанна к своей пастве отнюдь не походила на то лживое ласкательство честолюбцев и народных трибунов, которые своею лестью опьяняют толпу, чтобы легче подчинить ее игу своего самовластия. Иоанн был чужд всякого подобного ласкательства, умел говорить горькую истину в глаза своим слушателям; но если когда высказывал к ним любовь, то от всей глубины искреннего сердца. Какою неподдельною искренностью звучат следующие его слова: “я ношу вас в сердце своем, вы занимаете все мои помыслы. Велик народ, но велика и любовь моя к нему и вам не тесно будет в душе моей. У меня нет другой жизни кроме вас и попечения о вашем спасении” .

Будучи истинным выразителем духа Христова, св. Иоанн в качестве пастыря главным образом заботился о тех труждающихся и обремененных, которых с безграничной любовью призывал к Себе и Сам Спаситель Христос. Его любящее сердце особенно было открыто для меньшей братии и он, как попечительный отец, вникал во все ее нужды, не только духовные, но и материальные, житейские. Когда положение бедных жителей становилось почему-либо

особенно тяжелым, Златоуст смело выступал ходатаем за них, и если причиною ухудшения их положения была алчность или притеснения со стороны богатых, то он, как истинный народный попечитель, сильно укорял последних, не жалея слов для изобличения их алчности и жестокости. По временам проповеди Иоанна почти исключительно заняты были положением бедных жителей города, так что высказывались даже упреки ему за то, что он только и говорит о бедных, как будто другие и не заслуживают его внимания и назидания. Златоуст на это отвечал, что ему дорого спасение всех, богатых или бедных; но о бедных он особенно заботится потому, что в попечении пастыря нуждаются не только их души, но и тела, почему и Спаситель на страшном суде будет спрашивать, накормили ли мы голодного, одели ли нагого. “Посему я не перестану повторять: давайте бедным, и буду неустанным обвинителем тех, кто не дает” . И действительно он никогда не переставал повторять этого призыва и был истинным отцем бедных и нищих тем нищелюбцем, нищелюбие которого и сделало его особенно дорогим для православного русского народа, и доселе считающаго нищелюбие и милостыню главною добродетелью всякаго истиннаго христианина.

Милосердие св. Иоанна Златоуста ярко обнаруживалось и в его отношении к грехам и порокам своего народа. Сам будучи великим и суровым подвижником, он был непримиримым врагом и обличителем всякаго греха, неумолимым гонителем всяких пороков и страстей и вел с ними ожесточенную борьбу. Зорко следя за всеми движениями как во внешней, так и во внутренней жизни своей паствы, он грозно бичевал все уклонения от святости и христианскаго долга, и его обличительныя речи по временам звучали как раскаты громов небесных, и слушатели трепетали, представляя себе те страшныя муки, которыя они уготовали себе своими делами. Но эта вражда ко грехам и порокам у св. Иоанна никогда не переходила во вражду к самим грешникам. Напротив, чем сильнее он метал громы обличения против грехов, тем большим сожалением и любовью проникался к самим грешникам, видя в них заблудших овец, требующих любящаго попечения пастыря. Поэтому, лишь только он замечал действие своих угроз, как смягчал свой тон, вместо громов из его уст раздавались слова любви и ободрения, и главным предметом его беседы становилась уже безконечность милосердия Божия, пред которым всякий человеческий грех тонет как капля в океане. Любимым его текстом было изречение Спасителя: “Сын человеческий

пришел не погублять души человеческия, а спасать” (Лук. IX, 56), и развивая его смысл, св. Иоанн старался внушить своим слушателям ту мысль, что нет такого греховного падения, от которого не мог бы возстать человек, и его разсуждения производили тем более сильное впечатление, что часто подтверждались наглядными примерами не только из Библии, но и современной жизни. “Не слышали ли вы, говорил он однажды, о той блуднице, которая превосходила всех погивших женщин и которая впоследствии превзошла всех святых своим благочестием? Я говорю не о той, что в Евангелии, а о той, которая была столь знаменитой около времени моего рождения. Происходя из самого развращенного города Финикии, она занимала первое место в театре и слава о ней распространялась до Киликии и Каппадокии. Скольких богачей она разорила! Скольких молодых людей соблазнила! Ее обвиняли даже в чародействе, как будто одной ея красоты, без любовных чар и волхвований, было не достаточно для ея страсти - пожирать свои жертвы. Она уловила в свои сети даже брата императрицы. Никто не мог выстоять против ея всемогущества. И вдруг, я не знаю как, или лучше сказать, я знаю, что переменой своей воли, достигнув благодати Божией, она вырвалась из пленивших ее бесовских обольщений, и направила свой путь к небу. Та, с которой никто не мог равняться в безстыдстве на сцене, сделалась образцом целомудрия и, одевшись в власяницу, проводила свою жизнь в покаянии. Напрасно префект, побуждаемый некоторыми лицами, хотел заставить ее возвратиться на театральную сцену, и даже воины, посланные за нею, не могли взять ее из убежища приютивших ее девственниц. Допущенная к святым тайнам, очищенная благодатью, она достигла высшей добродетели, никогда не показывалась своим поклонникам и заключилась в своего рода темнице, где и провела несколько лет. Так первые будут последними, и последние первыми. Будем же надеяться, что и нам ничто не воспрепятствует сделаться великими и славными” . Такие беседы могли иметь глубокоободряющее значение для самых закоснелых грешников, спасая их от уныния и отчаяния и поддерживая надеждой на милосердие Божие. Поистине якорем спасения для всех отчаявающихся грешников могут служить следующие слова Златоустаго пастыря: “ты грешник? - Не отчаявайся; я не перестану снабжать вас врачевствами, ибо знаю, какое оружие против диавола - не отчаяваться! Если ты во грехах, не отчаявайся, и я никогда не перестану повторять: если грешишь каждый день, то и кайся каждый день... Ты застарел во грехах, обнови себя покаянием! Но можно ли, спросишь ты, покаянием достигнуть спасения? Конечно можно. - Если я всю

жизнь свою провел во грехах и принесу покаяние, спасусь ли?
- Конечно спасешься, ибо милосердие Божие неизмеримо и
благость Его неизреченна. Зло, каково бы оно ни было, есть
зло человеческое, и потому ограниченное, а прощающее
милосердие есть Божие, и потому безконечное. Представь
себе искру, падающую в море: может ли она оставаться там
или быть видимою? Что искра перед морем, то и зло
человеческое пред благостию Божией; и даже не настолько,
но благость гораздо больше. Море, как оно ни велико, имеет
пределы, а благость Божия не имеет границ” .

Будучи проповедником милосердия и всепрощения, св. Иоанн
Златоуст был вместе с тем и пастырем мира. Он был враг
всякого разделения и раскола, и потому его сердце болело
при виде того разделения, которое существовало в самой
Антиохии между православными в его время. В своих беседах
он часто возвращался к этому предмету и старался уяснить
самый корень зла разделения, который заключается вовсе не
в религиозной ревности, а себялюбии и властолюбии. “Ничто
так не разъединяет церковь, говорил он, как властолюбие;
ничто не возбуждает так гнева Божия, как разделение в
церкви. Даже если бы мы делали самые совершенные дела,
но разрывая единение, будем наказаны, как если бы мы
разрывали тело Господа... Даже мученичество не заглаживает
такого греха. Для чего ты несешь мученичество? Не ради ли
славы Иисуса Христа? Ты отдаешь свою жизнь за Иисуса
Христа, и в то же время расхищаешь церковь, за которую
умер Иисус Христос”. Подобными увещаниями он много
содействовал укрощению страстей разделения в церкви и
наконец имел счастье дожить до того сладостного для него
момента, когда партии окончательно примирились и
разделение прекратилось.

В таком живом общении с своей паствой святой Иоанн
провел лучшие годы своей жизни. К этому времени именно
относятся все его главнейшие произведения как
собеседовательные, так и полемические. В своих
непрерывных беседах он истолковывал не только отдельные
места и тексты, но и целые книги св. Писания, как Ветхаго, так
и Новаго Завета, и эти-то толкования и составляют главную
славу его как экзегета . Его толкования отличаются чудесной
ясностью, простотой и жизненностью, так что составляют
лучший образец истолковательного труда и неизсякаемый
источник богословского знания и религиозно-нравственного
назидания. Лучшими его толкованиями признаются беседы на
Евангелие св. Матфея и на послания ап. Павла. Принадлежат к

антиохийской школе толковников, ставившей своей задачей, в противоположность школе александрийской, истолкование буквальное, чуждое всякой таинственности, св. Иоанн Златоуст в этом отношении достиг высшего истолковательного совершенства. Будучи знаком и с творениями александрийских толковников и изучив знаменитейшего из них Оригена, он занял то именно среднее положение, которое составляет идеал и сущность православной экзегетики. Шаг за шагом следя за священным текстом, он излагает его самый естественный, прежде всего дающийся уму смысл, и сначала выводит из него догматическое учение, а затем указывает и вытекающие из него добродетели, смотря на последние как на учение в его практическом приложении. И все это излагается с чудесною простотою, ясно и чрезвычайно отчетливо. У него нет ничего такого, что было бы простым умозрением, простою страстью к учительству, с неизбежными тонкостями и мелочными изысканиями. Все у него льется прямо от полноты сердца и направляется к возвышению и освящению жизни. Своих толкований он не писал и не высиживал в кабинете, а обращался с ними в живой беседе с народом в церкви. Отсюда та одушевленность и жизненность каждого его слова, которая глубоко проникали в души слушателей, - тот огонь, который поистине способен был зажигать сердца людей. В течение своей продолжительной пастырской деятельности в Антиохии, св. Иоанн настолько сжился и сроднился с своими пасомыми, что все его помыслы сосредоточивались только на одном, как бы лучше и действеннее назидать их, вернее охранять от заблуждений и полнее раскрывать пред ними ту истину, что вера в Иисуса Христа есть источник всяких благ. Выше этой цели он уже и не ставил себе ничего, и надеялся среди них именно закончить и свою жизнь. Правда, бывали времена, когда до крайности утомленный трудами и подавляемый огорчениями вследствие легкомыслия и безумств своего народа, он невольно бросал тоскливые взгляды к окружающим горам, где он когда-то подвизался в святом уединении в годы юности, где так мирно и отрадно жить на лоне безмятежной природы в уединении с Богом и где действительно продолжали вести такую жизнь многие из "земных ангелов", как он любил называть отшельников. Иногда он даже временно удалялся в эти горы, чтобы отдохнуть и освежиться от истощающих трудов и шумной суеты городской жизни; но трудовая жизнь пастыря теперь уже настолько овладела им, что он не мог навсегда порвать с нею и потому всегда после непродолжительного отдыха вновь возвращался к своей возлюбленной пастве, также

тосковавшей по своему отсутствующему пастыре, и от глубины искреннего сердца говорил: „хорошо вижу, что я не могу оставить этого местопребывания и что мне надлежит оставаться здесь до конца моих дней" . Но Промысл Божий судил иначе. Великий светильник церковный, некогда выведенный из подспудного уединения в пустыне и поставленный на свещнице церковной среди многолюдного города, давал вокруг себя такой сильный и благотворный свет, что ему мало было и этого города. Свету его надлежало возсиять на всю вселенную, и для этого светильник нужно было поставить еще выше, в самом средоточии православного христианского мира. И это сбылось. В 397 году скончался престарелый архиепископ константинопольский Нектарий, и таким образом овдовела первенствующая кафедра восточной вселенской церкви. На эту-то славную кафедру Промысл Божий и возвел св. Иоанна, чтобы сделать из него не только великого святителя, но и великого мученика за правду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Св. Иоанн Златоуст на престоле константинопольском (398-404 гг.).

Когда св. Иоанн доканчивал свою пастырскую деятельность в Антиохии, в политическом состоянии мира совершилась важная перемена. В 396 году скончался император Феодосий, который вместе с собою унес в могилу и последние отблески величия Римской империи. У него осталось два сына - Аркадий и Гонорий, и он, чтобы не возбуждать неприязни между ними, а главным образом не считая ни одного из них способным принять на себя все бремя управления громадной империей, притом явно клонившейся к упадку, разделил между ними империю, предоставив Гонорию запад, а Аркадию - восточную ее половину. Оба они были еще люди молодые и притом недостаточно щедро наделенные от природы для того, чтобы с достоинством и успехом проходить возложенное на них трудное служение. Неудивительно поэтому, что действительными правителями государства были не они, а окружающие их приближенные, среди которых первенствующее место занимали - на западе знаменитый полководец Стилихон, а на востоке не менее знаменитый

царедворец евнух Евтропий. Последний, выйдя из рабского состояния, благодаря разным случайностям и особенно своему природному уму, сумел заслужить благорасположение к себе покойного императора Феодосия, перед смертью возлагавшего на него важные поручения, и после его кончины конечно сделался главным опекуном молодого Аркадия и действительным правителем государства. Этот эвнух и был тем орудием, чрез которое Промысл Божий привел св. Иоанна на кафедру константинопольскую. Когда, по смерти архиепископа Нектария, возник вопрос о преемнике ему, то разрешить его было не легко. Положение было весьма важное и потому не мало заявлялось притязаний на него. Аркадий не знал, что делать и кого предпочесть. Тогда выручил его из затруднения Евтропий. Как человек не чуждый религиозности, он интересовался церковными делами и в бытность свою в Антиохии не преминул послушать знаменитого антиохийского проповедника. Иоанн произвел на него своими проповедями сильное впечатление, и теперь Евтропий и подсказал императору, как было бы хорошо для церкви столичного города его империи иметь во главе своей такого знаменитого пастыря. Аркадий согласился и немедленно областеначальнику востока Астерию дано было тайное поручение взять и привезть Иоанна в столицу. Распоряжение было неожиданное и для Иоанна и для антиохийского народа, и исполнить его было нелегко. Антиохийцы ни за что не согласились бы добровольно разстаться с своим возлюбленным пастырем, а всякое насилие повело бы к мятежу. Поэтому дано было распоряжение взять Иоанна хитростью, что и сделано было Астерием, который, вызвав Иоанна за-город, как будто для совместного поклонения мощам св. мучеников, приказал взять его в колесницу, которая и помчалась в Константинополь. Смиренный пастырь, узнав о действительной цели его вызова за-город, конечно погоревал, бросая прощальный взгляд на родную Антиохию, где он так много потрудился для блага своего возлюбленного народа; но послушный Промыслу Божию вполне примирился с этим обстоятельством и спокойно приближался к царствующему граду. Император милостиво встретил знаменитого пастыря и, чтобы придать больше торжественности и блеска его хиротонии, вызвал для этого многих епископов, которые, во главе с патриархом александрийским Феофилом, и рукоположили Иоанна 26 февраля 398 года в сан архиепископа константинопольского.

Теперь Иоанн не был уже простым пастырем-проповедником провинциального города. Он был архиепископом столицы,

патриархом царствующаго града, восседал на престоле второго Рима. Положение его было весьма высокое, но вместе с тем и трудное. Церковь константинопольская, основанная по преданию св. ап. Андреем, пережила много превратностей, и со времени возведения Византии на степень столицы восточной империи приобрела великое, первенствующее на востоке значение. Она в действительности была средоточием церковнорелигиозной и духовной жизни всего востока. Но вследствие такого именно положения она сильнее всего и обуревалась различными веяниями. В столице находили себе приют и опору всевозможныя лжеучения, которыя быстро прививались среди легкомысленнаго, преданнаго наслаждениям населения и приверженцы которых умели находить себе доступ даже к императорскому двору. Вследствие этого бывали времена, когда лжеучение, особенно арианство нагло торжествовало свою победу в столице, угрожая совершенно вытеснить православие. Так именно было еще недавно, при Григорие Богослове, который, прибыв в Константинополь, с прискорбием видел, что все важнейшия четырнадцать церквей столицы находились в руках ариан и православие ютилось только в одной домово́й церкви, которая под его благотворным пастырством сделалась источником возстановления или воскресения православия. Но хотя православие было возстановлено, однако влияние лжеучения было так велико, что и этому великому архиепископу-богослову трудно было пасти столь распущенную и в духовном и нравственном отношении паству, и потому он вскоре по возведении его в сан архиепископа отрекся от этого высокаго сана. Преемником ему был избран Нектарий - из светских придворных сановников. Этот иерарх отличался благочестием, но он был слишком слаб для столичной кафедры, и хотя его правление было ровным и спокойным, однако все ясно чувствовали, что на престоле столицы требуется иной пастырь, который имел бы достаточно мужества для того, чтобы не только умолять, но и запрещать, и вообще показывать твердость церковной власти, когда потребуют того обстоятельства. У Нектария не было такого мужества, и потому после него столичная церковь осталась в довольно неустроенном состоянии. Народ, всецело преданный наслаждениям и страстям, не уважал своих пастырей, а последние, не исключая и епископов, вели также совершенно мирскую жизнь. Все это глубоко поразило и огорчило Иоанна. Если он в Антиохии видел так много недостатков и пороков, с которыми и вел непримиримую борьбу, то там это были недостатки неразумной паствы, которая нуждалась во

вразумлении со стороны пастырей; а здесь и сами пастыри требовали не меньшего вразумления и наказания. И св. Иоанн мог сразу понять, на какое трудное и ответственное место поставлен он Промыслом. Еще в юности он сознавал всю высоту и тяжесть епископского служения и потому-то и уклонился от него, скрывшись от своего друга Василия. Теперь, помимо своей воли оказавшись на кафедре первенствующей церкви, он еще более мог убедиться в этом. Но теперь он уже не избегал тяжести своего служения. Напротив, поставленный на столь высоком и трудном месте, он как истинный пастырь церкви порешил показать себя достойным своего звания и мужественно вступил в отправление своего многотрудного служения.

Первым его делом было показать себя своей новой пастве в качестве пастыря-учителя. Этого от него ожидал более всего и народ, знавший о его блистательном красноречии и предвкушавший великое удовольствие - послушать знаменитого проповедника. И действительно первья беседы св. Иоанна в Константинополе собирали безчисленное множество народа, и архипастырь мог радоваться такому усердию его паствы к слушанию слова Божия. С боговдохновенною силою из уст его лились золотые слова назидания и истолкования слова Божия, слушатели приходили в неописанный восторг, и своды храма оглашались шумными, часто неистовыми рукоплесканиями и всевозможными знаками одобрения. Подобные знаки одобрения он порицал еще в Антиохии, видя в них проявление суетности человеческой; не мог сочувственно относиться к ним и теперь. Но его огорчение становилось тем сильнее, по мере того как он убеждался, что эти шумные одобрения здесь были еще менее знаком проникновения слов назидания в душу слушателей, чем среди антиохийского народа, и напротив это было лишь доказательство крайней суетности его новой паствы, не различавшей церкви от театра. Слушателям очевидно нравился блеск красноречия проповедника, а не сила назидательности его слов. Поэтому он порешил выступить еще энергичнее, чем в Антиохии, на борьбу с подобною распущенностию и в своих беседах неоднократно умолял своих слушателей оставить эту привычку и слушать назидание в тихом безмолвии и сокращении сердца. „Слушайте меня спокойно, - говорил он неоднократно, - я умоляю вас об этом, и если угодно, постановим с сегодня за правило, чтобы никто из слушателей не позволял себе прерывать проповедника... Делайте, как я прошу вас, и вы найдете здесь источник блага и школу мудрости. Когда даже языческие философы вели

разсуждения пред своими учениками, то последние слушали их, не прерывая рукоплесканиями. Проповедывали и апостолы, и мы нигде не читаем, чтобы их прерывали шумными рукоплесканиями. Иисус Христос беседовал с народом на горе, и когда Он говорил, не раздавалось никаких кликов. Нет ничего пристойнее для церкви, как тишина и скромность. Шум и клики пристойны театру, баням, общественной площади, светским церемониям. Изложение наших догматов требует спокойствия, сосредоточенности, этой тихой пристани для защиты от бурь. Подумайте об этом, я вас прошу, я вас умоляю... Установите такое правило, и будете делать все лишь для славы Божией" . Но дурная привычка была так сильна в столичном населении, что ее трудно было побороть, и св. Иоанн, не ограничиваясь учительством, порешил показать пред лицом этой распушенной паствы пример строгости на самом себе. Чем распущеннее паства, тем строже должен быть пастырь, и св. Иоанн, ревнуя о спасении вверенных его попечению душ, отдался пастырской деятельности до полного самоотвержения и забвения о самом себе. Самое положение архиепископа константинопольского требовало от него широкой общности, богатаго гостеприимства и постоянного участия на пиршествах по приглашению знати. Такая жизнь конечно отнимала много времени, которое могло бы пойти на пастырское служение, и потому св. Иоанн нашел необходимым сразу поставить себя иначе и, отказываясь от всяких приглашений, повел жизнь отшельника, который не придавал никакого значения своим собственным потребностям, принимал самую скудную пищу и притом всегда наедине, и все сбережения, остававшиеся от доходов, стал употреблять на дела милосердия и благотворительности. Двери его дома были всегда открыты - но не для тех праздных честолюбцев, которые приглашением архиепископа на свои пиршества или посягательством на его гостеприимство только тешили свою суетность, а для тех труждающихся и обремененных, которые действительно нуждались как в духовной, так и телесной помощи. Будучи другом и попечителем бедных в Антиохии, св. Иоанн остался таковым и на престоле константинопольском. Столица, блистая богатою пышностью своих палат и дворцов, в действительности заключала в себе еще больше вопиющей бедственности, чем Антиохия, и архипастырь хотел помочь этим бедствующим членам своей паствы. Архиепископская кафедра обладала весьма значительными средствами, и эти средства, еще более увеличив их своею до крайности скромною жизнью, св. Иоанн стал обращать на благотворительныя учреждения. До него на

все столичное население было только четыре богоугодных заведения, которые притом содержались скудно и неисправно. Св. Иоанн, побуждаемый, своим пастырским попечением, приведя в порядок и благоустройство прежних заведений, стал устраивать новые, и вокруг церкви Божией, как плоды христианского человеколюбия, стали быстро возникать всевозможные богоугодные заведения, где могли находить себе приют и убежище все больные и немощные, все отверженные, обреченные человеческим жестокосердием на бедствия и гибель. И вся деятельность св. Иоанна направилась главным образом на поддержание этих богоугодных заведений. В своих беседах он то и дело обращался к своим слушателям с призывом к пожертвованиям на благотворение, и из его златословесных уст раздавались боговдохновенные речи, в которых милостыня восхвалялась как величайшая добродетель, как такая, которая более всякой другой открывает доступ к небу и его райским радостям. Слова его не оставались бесплодными. Благотворительность весьма оживилась в Константинополе, и было не мало таких богатых людей, особенно вдов, которые, жертвуя все свое состояние на дела благотворения, сами поступали в богоугодные заведения, и служили больной и немощной братии. Такой успех весьма радовал великого пастыря и он мечтал даже о том славном времени, когда всякая бедственность прекратится в его пастве и все будут жить в том счастливом братском общении, в каком жили первенствующие христиане в Иерусалиме .

Но благотворительность была лишь одною стороною пастырской деятельности св. Иоанна Златоуста. Еще более, чем телесные нужды, требовали от архипастыря попечения нужды духовные, нравственные, без удовлетворения которых не могла приносить надлежащей пользы и сама благотворительность. Как Антиохия, так еще более Константинополь был городом, в котором население было чрезвычайно смешанным. Хотя христиане преобладали числом, но в обыденной жизни еще сильно давало о себе знать язычество, проявлявшееся во всевозможных суевериях. Рядом с язычниками жили и евреи, продолжавшие вести если не открытую, то подпольную борьбу против церкви, и наконец в самой церкви постоянно происходили волнения, производимые различными ересями и расколами. Вся эта смесь племен и верований до крайности затрудняла деятельность пастыря, а к этому присоединялись еще и другие, чисто общественные язвы. Императорский двор далеко не представлял собою воплощения добродетелей,

которых по преданию привыкли ожидать от него в провинции. Вместо того, чтобы быть образцом и семейных и общественных добродетелей, он скорее был источником всякого нравственного тлена, который заразительно действовал и на все окружающее общество. Безумная роскошь двора заставляла подражать ей и окружающих сановников, которые поэтому предавались самому безстыдному хищничеству, ложившемуся тяжелым бременем на народ. Иоанн, всецело преданный попечению о бедных, был глубоко возмущен таким неразумием и громко вопиял против него в своих беседах. „Такая безумная роскошь, - говорил он, - непристойна христианам. Для чего, скажи мне, ты носишь шелковую одежды, едешь на златосбруйных конях и украшенных лошаках? Лошак украшается снизу; золото лежит и на покрывале его; безсловесные лошаки носят драгоценности, имея золотую узду; безсловесные лошаки украшаются, а бедный, томимый голодом, стоит при дверях твоих, и Христос мучится голодом! О крайнее безумие! Какое оправдание, какое прощение получишь ты, Христос стоит пред дверьми твоими в виде бедного, а ты не трогаешься?" .

Наконец и богатые и бедные были все заражены страстью к театрам и общественным увеселениям, и дело доходило до того, что в случае каких-либо чрезвычайных представлений церкви пустели, а театры переполнялись безумно ликующими толпами. Святитель горько оплакивал такое увлечение, строго обличал неразумных, и находил себе великое утешение в том, что его беседы нередко производили потрясающее впечатление, так что народ рассказывался пред ним в своих безумных увлечениях.

Если великого святителя огорчали грехи и нравственные недостатки народа, то тем более он скорбел при виде нравственного упадка среди тех самых, кто притязал на достоинство избранных членов церкви. Если даже иные епископы, как сказано было выше, вели жизнь скорее приличную светским лицам, чем духовным, то тем более это было заметно среди низшаго духовенства. Оно предано было миру и всем его прелестям и притом иногда в таких формах, которые не могли не возмущать нравственного чувства. Особенно сильное негодование святителя возбуждал широко распространенный в то время обычай сожительства духовных лиц с девицами. Обычай этот вытек из доброй цели. Среди духовенства того времени начало распространяться убеждение, что жизнь безбрачная более пригодна для пастырей, давая им больше свободы от мирских забот для пастырской деятельности, и действительно многие из

священников и других членов духовенства жили безбрачными, преимущественно в иноческом сани. В видах боготворения многие принимали к себе в дом для воспитания бедных сирот, которые впоследствии также принимали обет девства. Так как правильно устроенных женских монастырей еще было очень немного, то эти воспитанницы, и придя в возраст, продолжали жить у своих воспитателей, и этот обычай мало-по-малу привел к тому, что и помимо воспитательных целей девственники и девственницы сожительствовали под одной кровлей, как братья и сестры. При строго нравственном настроении такое сожительство не могло бы представляться особенно предосудительным, хотя оно уже было предметом обсуждения на соборах и запрещено было как непристойное; но легко представить себе, в какое безобразное явление мог выродиться этот обычай в столице с ее соблазнами и нравственным тленом. И действительно, такое сожительство было явлением крайне непристойным, бросавшим весьма нелестный свет на все духовенство. Нужно было искоренить его, чтобы поднять самое достоинство и влияние пастырства, и святитель начал беспощадно преследовать это незаконное сожительство и написал против него две большие книги, в которых с необычайною яркостью изобразил как самый обычай, так и те непристойности, в которых он повергает сожительствующих. Зло пустило уже глубокий корень и его трудно было искоренить сразу; но святитель не щадил усилий и ему удалось в значительной степени очистить свою церковь от этого гнусного явления. Чтобы дать образец истинной иноческой жизни в мире, он заботился вместе с тем о возвышении и благоустройении женских монастырей. Монастыри существовали и до него, но они не столько были местом молитвы и спасения, сколько просто убежищем для лиц, наскучивших суетою мирской жизни и искавших себе приятного отдыха там, без нарушения связей с миром. Св. Иоанн подверг монастыри коренному преобразованию. Он лично распросил всех проживавших там монахинь, и когда убеждался, что какия из них находились там не для спасения своей души, а по примеру своих светских подруг продолжали более помышлять “о банях, благовониях и нарядах, чем о посте и молитве”, то он советовал им лучше возвратиться в мир, так как монастыри должны быть исключительно местом молитвы, поста и покаяния. Эта строгость привела к тому, что монастыри действительно очистились от своих недостойных членов и наполнились лицами, которые искренно жаждали найти покой своим душам от окружающей мирской суеты и всецело посвятить себя на служение Богу и ближним. Радость св. Иоанна была тем большею, когда в очищенные и

преобразованные им обители стали поступать поистине святая, избранная души. На голос святителя стали стекаться в них даже знатные и богатые вдовы, которые посвящали и свою жизнь и все свое состояние на служение немощной братии. Чтобы иметь более возможности послужить труждающимся и обремененным членам христианского братства, эти знатные вдовы чаще всего поступали в должность диаконисс, на обязанности которых было кроме того давать наставление оглашаемым женского пола, готовить их к крещению, руководить первыми их шагами в возрожденной жизни, а также нести различные обязанности и служения в церкви преимущественно по отношению к женскому полу и детям. Служение было весьма нелегкое, и тем больше чести тем благочестивым женщинам, которые, пренебрегая всеми трудностями, принимали на себя служение и доблестно несли его до конца своей жизни. Многие из диаконисс прославились своим самоотвержением, и из них особенно известны были во времена Златоуста: Никарета, весьма знатная девица из Никомидии, посвятившая себя на служение Богу с самой своей юности, Сильвина, благородная отрасль царей мавританских, Пентадия, вдова знаменитого, но несчастного полководца Тимасия, и особенно благородная Олимпиада, которая рано овдовев, всю свою жизнь и все свое огромное состояние (на которое неудачно притязал император Феодосий) посвятила на служение церкви. Эти благочестивые жены-диакониссы составляли главную опору великого святителя в его пастырских попечениях о духовном и материальном благосостоянии его паствы.

Борясь с нравственными нестроениями своей церкви, св. Иоанн вместе с тем должен был стоять и на страже православия от нападений раскола и ереси. В его время не мало смущали совесть народа новациане, которые с запада перенесли свое учение на восток и нашли себе убежище в Константинополе. Они с наглостью заявляли притязания на то, что у них только сохраняется истинное учение и чистая жизнь и себя считали исключительно истинной церковью, как не терпящей нечистых членов. Это дерзкое самовосхваление глубоко возмущало святителя и он с пламенным негодованием опровергал их. „Какая гордость, - говорил он, - какое безумие! Вы будучи людьми, выставяете себя безгрешными? Скорее можно утверждать, что море может быть без волн; но как волны не перестают двигаться на море, так и грехи не перестают действовать в нас" . Еще более озабочивало Иоанна другое зло - арианство. Хотя оно в это время уже не имело такой силы, как во времена Григория Богослова, когда

все церкви столицы были в руках ариан, однако по окраинам столицы ариане были еще сильны и не упускали случая, чтобы заявить о своем существовании. Особенно много смущения они производили своими торжественными религиозными процессиями, сопровождавшимися громким пением богохульственных арианских гимнов. В этих процессиях из любопытства или невежества принимали участие и многие из православных, становясь таким образом участниками арианского нечестия. Это не могло не озабочивать великого святителя, и он, чтобы отвлечь православных от участия в арианских собориках, нашел необходимым устраивать подобныя же процессии с священными песнопениями и для православного народа. В этих православных процессиях приняла участие даже императрица Евдоксия, которая на свой счет снабжала народ свечами. К несчастью, процессии эти повели к беспорядкам. Встретившись между собою, православная и арианская процессии не могли не возбуждать взаимного раздражения, ариане дерзко бросали в православных камнями, так что в последовавшем смятении ранено и даже убито было много народа с той и другой стороны и одному из царедворцев императрицы, внуку Врисону была пробита голова камнем. Это печальное обстоятельство вынудило правительство запретить подобныя процессии по улицам. Но святитель, придававший высокое религиозно-нравственное значение духовному пению, как одному из лучших средств для внедрения христианства в жизнь христиан, стал чаще устраивать для этого богослужебныя собрания, и особенно ему нравились всенощныя бдения, на подобие христианских собраний первых веков. „Ночь, - говорит он, - создана не для того, чтобы всю ее проводить во сне и покое: доказательством этого служат ремесленники, торговцы и купцы. Церковь Божия встает в полночь. Вставай и ты и созерцай хор звезд, это глубокое безмолвие, эту безграничную тишину. Преклонись пред Провидением твоего Господа. Во время ночи душа более чиста, более легка, она с меньшими усилиями поднимается выше; самая тьма и это величавое безмолвие располагают ее к созерцательности... Что было целию Спасителя, когда Он проводил ночи на горе, как не то, чтобы дать нам пример для подражания? Ночью изливают благоухания растения, и душа твоя более воспринимает небесную росу. Что днем сожжено солнцем, то освежается и оживает ночью". Такие назидания имели полный успех и народ приучился к ночным богослужебным бдениям и полюбил их. Правда, столичное население было изнежено и не могло выносить особенно продолжительных служений, и благостнейший святитель не

преминул проявить отеческое снисхождение к своей немощной пастве и составил особую литургию, которая с того времени сделалась лучшим достоянием всего православного мира и доселе совершается в православной церкви, нося имя своего великаго составителя .

Благоустроив внешнюю и внутреннюю жизнь константинопольской церкви, святой Иоанн затем направил свои усилия к распространению истины веры Христовой и среди тех, которые еще сидели во тьме и сени смертной. Хотя язычество в сущности было сломлено и с погибелью Юлиана Отступника потеряло последнюю свою опору, однако искра жизни в нем все еще теплилась и по временам даже вспыхивала зловещим пламенем.. Последователи Юлиана и ученики различных языческих софистов в роде Ливания не хотели разстаться с своей мечтою о возстановлении язычества, и до какой степени была живуча эта мечта, показывает то замечательное явление, что среди язычников широко распространено было убеждение, в силу котораго старые боги должны были вскоре ожить и восторжествовать над Христом. Языческие оракулы распространяли среди народа будто бы древнее предсказание, что все успехи христианства, как происходившие вследствие волхвований св. Петра, главного обольстителя мира, должны будут закончиться с четвертым веком, и 400-й год должен ознаменоваться постыдным падением христианства и полным торжеством язычества . Темная масса, склонная ко всему таинственному, не без волнения ожидала конца века. К счастью, сыновья Феодосия были одушевлены религиозною ревностью, и особенно на западе Гонорий своими энергическими мерами к подавлению и искоренению язычества в значительной степени развеял нелепые мечты его приверженцев. На востоке язычество пользовалось большею свободою и в Сирии продолжали беспрепятственно совершаться даже сладострастные и гнусныя празднества маиюмския, названныя так от имени одного языческаго капища близ Газы. Эти празднества, наследие древних гнусных культов Ваала и Астарты, не раз подвергались запрещению. Они запрещены были Константином Великим, но Юлиан вновь возстановил их; Феодосий опять наложил запрет, но его слабый сын Аркадий, убоявшись ропота сирийцев, опять дозволил их, и эти соблазнительныя торжества стали опять совершаться с безобразною откровенностью. Св. Иоанн Златоуст возставал против них, еще будучи пресвитером в Антиохии; но теперь, в качестве архиепископа столицы, он не преминул нанести решительный удар этой гнусности, и под

его несомненно влиянием майюмския празднества были запрещены. Этот случай дал повод архиепископу обратить вообще внимание на Финикию, которая продолжала оставаться одним из главных оплотов язычества. Было печально видеть, что почти у самого подножия знаменитых престолов Антиохии и Александрии и притом в пределах земли Обетованной главным образом ютилось язычество, уже искорененное в других местах. И святитель снарядил особую миссию для искоренения там язычества и не переставал глубоко интересоваться этим делом до самой своей кончины.

Но взор святителя распространялся еще гораздо дальше и шире. Своим глубокопроницательным умом он понимал, что хотя язычество и продолжало держаться в дебрях Финикии, но дни его были сочтены, как и дни самого населявшего ее древняго народа. Это население отживало свой век, и на границах известного тогда цивилизованнаго мира уже двигались громады новых варварских народов, которым принадлежала дальнейшая роль в истории. Поэтому нужно было обратить внимание на эти молодые народы и привести их под иго Христова. Эти народы были варварские, не знали еще блага оседлой жизни и жилищами их были подвижныя кибитки, с которыми они то останавливались таборами, то снимаясь вновь двигались целыми ордами, угрожая пограничным областям и городам. Среди этой хаотической массы варваров бродили те силы, из которых должен был образоваться новый мир - на смену стараго греко-римскаго. Другие с ужасом смотрели на эти дикия орды, видя в них страшный бич человечества; но св. Иоанн Златоуст видел в них детей природы, которых нужно было сделать сынами Божиими. Его внимание особенно обращали скифы, эти суровые сыны севера, обитавшие главным образом по берегам Дуная и дальше на северо-восток, в пределах теперешней России. Это были полудикие кочевники, которых поэтому Златоуст называет „амаксовиями“, т. е. живущими в кибитках, и они действительно стояли на самой низкой ступени общественной жизни, были варварами из варваров. Но свирепые видом и варвары по жизни и обычаям, они были добры сердцем, и когда до них дошло благовестие о Христе, то оно затронуло их девственныя сердца и они обнаружили желание принять христианство. Узнав об этом, св. Иоанн быстро снарядил к ним миссию, тем более, что можно было опасаться, как бы арианство, широко распространившееся среди готских племен, не коснулось и сердца этого простодушнаго, не тронутаго искусственностью народа. К его великой радости, миссия имела благословенный успех, и

таким образом, как свидетельствует патриарх Фотий, святой Иоанн Златоуст именно первый воздвиг алтари истинному Богу среди этих варваров, которые раньше пили кровь человеческую. Народ, суровые воины которого почти не сходили с коней, теперь начал преклоняться пред крестом распятого Христа. Если верно предположение историков, что скифы были одними из предков русского народа, то какое счастье верить, что первыми семенами веры Христовой русский народ обязан был именно великому святителю, возлюбленному им Златоусту, боговдохновенныя творения котораго навсегда сделались для него неизсякаемым источником духовнаго назидания и просвещения. - Святитель обращал пастырское внимание и на других инородцев, наприм. готов; многие из них жили в самом Константинополе, который подобно Риму прибегал часто к воинской помощи этих полуварваров. Большинство их были еще язычники, а другие - ариане, и святой Иоанн заботился о спасении тех и других. Так как готы не знали греческаго языка, то он нашел возможность устранить и это препятствие для проповеди. Из самих готов выбрав более достойных лиц, он посвятил их в сан священников и диаконов, и отведя для них особую церковь во имя апостола язычников Павла, велел им совершать богослужение для своих единоплеменников на их родном языке. Святитель так заботился об обращении этого народа на путь истины, что нередко и сам присутствовал при их богослужении и даже лично преподавал им наставления при помощи искусных переводчиков.

Все эти архипастырские труды святаго Иоанна производили в высшей степени благотворное действие. Столица стала приходить в благоустроенность в церковно-религиозном и нравственном отношении. Зло нестроений однако проникло так глубоко, что недостаточно было одних назиданий; необходимы были наказующие удары правды Божией, чтобы образумить преданный миру и его прелестям народ. Такие удары действительно не раз постигали Константинополь. Особенно страшно было бедствие, причиненное землетрясением, происшедшим в первые годы правления святителя. От землетрясений вообще много страдали города в IV веке и известиями о них переполнены летописи современных писателей. Но это землетрясение было особенно ужасным, какого еще не бывало в Константинополе. Почва всколыхалась как море и дома трескались и распадались, погребая под своими развалинами несчастных жильцов. Вдобавок к этому Босфор произвел наводнение, а злоумышленники производили поджоги с целью скрыть следы

своего грабежа и хищничества. Все были объаты ужасом. Императорская семья спасалась бегством и беспорядок водворился невообразимый. Среди этого всеобщего смятения и ужаса остался непоколебимым один архипастырь церкви, своим авторитетом заменяя исчезнувшие и растерявшиеся власти. Он возстановил порядок в смятенной столице, ободрил пораженных ужасом, и когда население понемногу возвратилось в город и успокоилось, он возобновил свои беседы, в которых огненными красками изображал как самое бедствие, так и то нечестие, которым оно навлечено было. Чтобы еще более ободрить народ, св. Иоанн совершил торжественное перенесение мощей св. мучеников в особо устроенный для них храм на противоположном берегу Босфора, в девяти милях от столицы. Перенесение было совершено ночью, и это торжественное шествие многочисленного народа с зажженными свечами, соперничавшими своею яркостью с небесными светилами, и эти восторженные песнопения, раздававшиеся среди ночной тишины, производили глубоко потрясающее и вместе умирительное зрелище. В процессии участвовала сама императрица Евдоксия, которой Златоуст в своей восторженной проповеди и воздал полную дань чести, восхваляя ее религиозную ревность и благочестие. Последующия события показали, что это благочестие отнюдь не было глубоким и не вытекало из внутренних потребностей истинно религиозного сердца; но теперь св. Иоанн искренно радовался и этому внешнему проявлению набожности царицы, пример которой мог благотворно влиять и на всех женщин столицы.

Как ревнитель славы церкви Божией, св. Иоанн Златоуст считал своим долгом строго оберегать те права и преимущества, которыя принадлежали ей. Только обладая такими правами, св. церковь и могла с успехом совершать свое просветительное и спасительное дело в мире. Между тем гражданское правительство уже тогда неоднократно заявляло притязания на нарушение или ограничение этих прав и преимуществ, и притом чаще всего по соображениям не столько государственным, сколько личным. Одним из важнейших преимуществ церкви с древнейших времен считалось принадлежавшее ей право убежища. Это право, ведшее свое начало еще от церкви ветхозаветной, было чрезвычайно важно в те времена, когда при господстве самоуправства и, грубой силы люди часто могли находить себе убежище от человеческого насилия только у престола Божия, в церкви. И святой Иоанн, как непреклонный защитник

слабых и угнетенных, придавал праву убежища великое значение. Между тем это право все более подвергалось ограничениям, и главным виновником этого был всемогущий в то время евнух Евтропий. Опыанный достигнутым им всевластием, надменный евнух уже дерзко мечтал со временем захватить самый престол и беспощадно истреблять всех, кого мог считать своими противниками и врагами. Так как многие искали себе спасения от его ярости в церкви, то Евтропий порешил покончить с этим учреждением. Напрасно св. Иоанн Златоуст возставал против этого посягательства на священное право церкви - укрывать беззащитных от злобной ярости людей; евнух, считая притом святого Иоанна своим ставленником, обязанным ему самым своим возвышением на престол константинопольской церкви, настоял на своем, и право убежища действительно было отменено. Вскоре однако случилось событие, которое показало, как непрочно человеческое величие и как необходимо людям иметь себе защитницу в лице церкви. Евтропий своими интригами и дерзкими выходками навлек на себя немилость императора и положение его поколебалось. А когда он, забывшись до крайности, оскорбил даже императрицу Евдоксию, которая со слезами на глазах и с своими плачущими малютками на руках явилась к императору, прося у него защиты от оскорблений дерзкого царедворца, то судьба его была решена: он был лишен всех своих должностей и ему угрожала смертная казнь. Дотоле всевластный царедворец, Евтропий теперь оказался самым жалким и беспомощным человеком. Во всем мире не было у него человека, который бы протянул к нему руку помощи и пожалел бы о нем. Напротив, все радовались падению надменного евнуха, и весть о его падении быстро разносилась по городу. Пользуясь его беспомощностью, многие готовы были даже до совершения законного правосудия отомстить ему за все причиненные им неправды и насилия, и он был в отчаянном положении. Тогда, подавив в себе гордость, Евтропий обратился к единственной своей защите, св. церкви и - вопреки состоявшейся по его же настоянию отмены права убежища, искал себе спасения у престола Божия, и он не ошибся. Там встретил его великий святитель, еще так недавно огорченный этим самым Евтропием, и дал ему убежище, из которого не могла его взять никакая сила. Императрица, пылая мщением, приказала немедленно взять оскорбившего ее евнуха и подвергнуть его заслуженной каре; но когда посланные явились в церковь с целью исполнить это повеление, то не смотря на их требование, как и на крики разъяренной толпы, требовавшей также головы ненавистного всем Евтропия, святой Иоанн безстрашно и с сознанием своей

власти отказал в исполнении этого требования. „Вы убьете Евтропия, произнес он в ответ на крики и требования воинов и толпы, не раньше, как умертвив меня". Затем он сам отправился к императору и там исходатайствовал помилование злополучному гордецу, судьба которого представляла поразительное доказательство шаткости человеческого величия и грозности правосудия Божия. Все это происходило ночью, и на утро св. Иоанн Златоуст, спасши несчастного царедворца от угрожавшей ему смерти, произнес пред многочисленным народом знаменитую проповедь „на Евтропия евнуха" , в которой огненными красками изображалась вся суетность человеческая. Евтропий был сослан, и хотя впоследствии он подвергнут был казни, но в самый момент своего падения он был спасен от кары закона и ярости народа именно всепрощающим великодушием Златоуста.

Это необычайное событие во всем блеске показало ту духовную властность, которою обладал великий святитель константинопольский. Слава его имени и пастырской ревности далеко распространилась за пределы его епархии, и к нему стали обращаться за духовною помощью многие даже из других епархий. Вследствие постоянных смут церковная жизнь во многих епархиях, особенно в Малой Азии, подверглась крайнему разстройству. Во главе церквей стояли большею частью недостойные пастыри, и кафедры занимались лицами, которые добивались их подкупом - очевидно для далеко не пастырских цепей. Когда жалобы на эти вопиющая злоупотребления достигли до Иоанна, то он, благоустроив дела в своей собственной церкви, порешил благоустроить и соседняя церкви. С этой целию он в 401 году сам отправился в Малую Азию и, убедившись на месте, в крайнем разстройстве церковных дел, принял строгия меры, и несколько епископов, уличенных в явной симонии и недостойнстве, были низложены. В течение трех месяцев святитель занимался благоустройением малоазийских церквей и, только уже достигнув желанных плодов, возвратился в свою столицу, где уже давно ожидал его преданный народ, жаждавший назиданий и поучений от своего златословеснаго учителя. Между тем за время его отсутствия и в самой столице произошли неутешительныя события. Пользуясь отсутствием архиепископа, ариане подняли голову, дерзость их была тем сильнее, что во главе их стал известный готский полководец Гайна. Чувствуя, насколько империя зависела от его воинской доблести, он стал предъявлять императору крайне неумеренныя требования, и между прочим потребовал,

чтобы арианам отдана была во владение одна из церквей в самой столице. Император, зная неукротимый нрав варвара, опасался отказать ему, но его выручил из затруднения святой Иоанн, который смело выступил против заносчиваго гота, убедил его в несправедливости его требования и настолько повлиял на него своими доводами, что он на время отказался от своего намерения. Вскоре однако его вероломная натура не выдержала и он, возмущившись против императорской власти, начал производить грабежи и опустошения, угрожая и самому Константинополю. Царь пал духом и не знал, что делать. Из его царедворцев никто не осмеливался отправиться к Гайне для переговоров и увещаний. Тогда опять выступил Златоуст, и пренебрегая всякою личною опасностью, безбоязненно отправился в лагерь мятежника. Все опасались за жизнь святителя, но духовная сила оказалась могущественнее военной. Узнав в лице царского посланника знаменитаго константинопольскаго архиепископа, Гайна смирился и даже оказал ему необычныя почести. Вскоре Гайна закончил свою мятежную жизнь и империя избавилась от одного из опаснейших своих врагов.

Но ревностно повсюду выступая за правду и поборая зло, святитель Иоанн тем самым подготовлял себе множество скорбей, которыя, по непреложному слову Христа Спасителя, составляют неизбежную земную награду всем Его истинным ученикам и последователям. Как и естественно было ожидать, его строгия мероприятия к искоренению церковных и нравственно-общественных нестроений и зол должны были вызвать раздражение и вражду против него со стороны тех, которых особенно коснулись эти мероприятия. И прежде всего недовольны были, конечно, те епископы, которые, как незаконно занимавшие свои кафедры, были лишены их. С крайним озлоблением, к какому только способны люди, уличенные в неправде и злоупотреблениях, они начали вести враждебную агитацию против константинопольскаго архиепископа, обвиняя его в незаконном вторжении в чужия епархии и в разных жестокостях. К ним пристали и другие епископы, которые просто завидовали Златоусту и его огромному влиянию на народ. Один из них, Севериан гавальский, злоупотребив доверием Златоуста, который во время своего отсутствия из столицы по делу малоазийских церквей даже поручил ему временное управление своей церкви, старался играть в столице роль второго Златоуста, произнося напыщенные и искусственно-сплетенныя речи, которыя конечно походили на беседы святаго Иоанна не более, чем кимвал бряцающий на живое, разумное слово, и

однако нравились многим потому, что в них искусно избегались всякия намеки на грехи и злоупотребления сильных мира сего. Севериан, при помощи своих друзей, сумел даже проникнуть ко двору и нашел благоволение у императрицы, которой более нравились сладкословивыя речи этого епископа, чем обличения Златоуста. По своем возвращении в столицу св. Иоанн сразу понял всю низость и коварство этого епископа и хотел удалить его из столицы, но Евдоксия упростила его не делать этого, и таким образом у самого престола остался один из самых опасных врагов великаго святителя. Не нравился Иоанн и другим епископам и главным образом потому, что он вопреки установившемуся обычаю не развлекал их во время пребывания их в столице роскошными обедами, а всецело занятый важными делами церковно-религиознаго благоустройства встречал их просто и, как казалось им, сухо и надменно. Один из епископов, именно Акакий верейский, был так недоволен таким приемом, что прямо пригрозил святителю мщением. Если недовольны были епископы, то тем менее могло быть довольно столичное духовенство. Привыкнув при прежнем архиепископе к полной нестесненности в жизни, оно стало решительно негодовать, когда св. Иоанн, сам прошедший все степени священно-церковнаго служения и имевший самое высокое понятие об обязанностях пастырей, стал напоминать ему о долге служения и искоренять среди него разныя нестроения и злоупотребления, в роде позорнаго обычая сожительства с девственницами. Недовольство среди духовенства перешло в полное негодование, когда преданный Златоусту архидиакон, прямотдушный, но не сдержанный в своих выражениях, Серапион, зная столичное духовенство и видя его противодействие святителю, на одном церковном собрании сказал ему: „не можешь, владыка, исправить их, если всех не погонишь одним жезлом“. Выражение это быстро было подхвачено недовольными, которые стали усердно распространять по городу разныя хулы и злословия на святителя, обвиняя его в жестокости и человеконенавистничестве. Духовенство особенно недовольно было распоряжением св. Иоанна Златоуста, чтобы благотворители, особенно богатые вдовы в роде Олимпиады, не особенно расточали свои имения, раздавая их духовным лицам, склонным злоупотреблять ими. Это распоряжение направлено было против одного из самых вопиющих зол и оно несомненно наносило материальный ущерб тем, которые привыкли извлекать отсюда значительный для себя доход. Недовольные не преминули истолковать это распоряжение в том смысле, будто архиепископ из алчности хотел направить

все пожертвования исключительно к себе самому. Недовольны были и многие монахи, не те истинные подвижники конечно, которые, отрекшись от мира, созидали свое спасение в пустыне, оплакивая грехи свои и своих ближних, а те лицемеры, которые под маской монашества хотели лишь удобнее достигать своих далеко не ангельских целей и праздно жительствовавали по городам и в самой столице. Такие ложные иноки всячески поносили архиепископа, называя его тяжелым и гордым, жестоким и высокомерным. Злословие не замедлило выродиться в клеветничество, и недовольные стали распространять по городу разные оскорбительные для архиепископа нелепости, утверждая, что если он обедает постоянно один и никогда не принимает приглашений на обеды от других, как это делали прежние архиепископы Константинополя, то это все происходит от его нелюдимости и разных пороков. Стоустая молва не брезговала распространять и эту клевету, хотя всем было известно, что св. Иоанн удалялся от общественных пиршеств просто по слабости своего желудка, разстроенного некогда суровым подвижничеством в пустыне. Если так относились к святителю клирики, то тем более конечно должны были вторить им знатные, развращенные классы столичного населения, которые более всего подвергались обличениям со стороны святителя, не перестававшего греметь против них с церковной кафедры с беспощадностью неподкупного судии. Они обвиняли его даже в возбуждении низших классов народа против высших, бедных против богатых, и во всяком случае им совсем не нравился архиепископ, который вместо того, чтобы пиршествовать с богатыми, предпочитал общество бедных и больных, труждающихся и обремененных. Но более всего недовольны были им дамы высшего столичного общества, изысканные наряды которых находили себе в Иоанне неумолимого обличителя, и это были самые опасные враги. Всякое неприятное им слово св. Иоанна они с чисто женскою способностью преувеличивали и раздували, и когда он обличал их наприим. в безумной роскоши, для удовлетворения которой мужья их должны были разорять и грабить народ, укорял их за то, что они искажали образ Божий, румянясь на подобие Иезавели и подводя себе глаза сурьмой на подобие египетских идолов, то это было больше, чем они могли стерпеть, и между ними пошла злонамеренная молва, что в этой картине святитель метил даже не на них, этих знатных дам, а гораздо выше - в самую августейшую императрицу Евдоксию, до сведения которой и не преминули довести все слышанное в преувеличенном виде. Такие наговоры и

клеветы не могли мало по малу не охладить и самой императрицы к святому Иоанну, тем более, что она и сама - при своей крайней распущенности, алчности и суетности - не могла не чувствовать, что действительно речи архиепископа иногда весьма близко обличали и ее саму, так как она в действительности была источником и заразительным примером той пагубной страсти к безумной роскоши со всеми ее печальными последствиями, какую страдало все высшее константинопольское общество.

И вот мало по малу вокруг великаго святителя накоплялись тучи злобы, ненависти и клеветы, которые рано или поздно должны были разразиться над его священной главою. Иоанн знал об этом, но по своей доброте, всецело уповая на Промысл Божий, не обращал никакого внимания на козни своих врагов. Между тем они не дремали, и между ними к несчастью оказался такой влиятельный иерарх, как Феофил александрийский. По своему положению, он был одним из самых влиятельных и богатых иерархов во всем христианском мире, - но он был до крайности горд и честолюбив и бросал завистливые взгляды на престол столицы. Когда после смерти Нектария освободился престол константинопольский, то он нечужд был желанья занять его сам; но так как это было неблагоприятно, то ему хотелось по крайней мере занять его кем-нибудь из своих подручных или подчиненных, чтобы чрез него полновластно распоряжаться в столице. Поэтому он возставал против избрания св. Иоанна и даже не хотел участвовать в его хиротонии. Только уже вынужденный к тому правительством, он согласился на хиротонию Иоанна, но с того времени сделался его заклятым врагом и из Александрии с злобною внимательностью следил за тем, что происходило в Константинополе. Блистательные успехи св. Иоанна в деле управления церковью и ее благоустройства конечно ему не нравились; но он был весьма доволен тем, когда заметил, что в столице все сильнее стало подниматься недовольство против Иоанна и отношения его ко двору ухудшались. При своем хитром и проницательном уме он понимал, что эти отношения должны рано или поздно привести к катастрофе, и он с нетерпением ожидал ея, будучи уверен, что без его вмешательства дело не обойдется. Дела действительно вскоре сложились так, что Феофилу представился удобный случай излить всю свою затаенную злобу на своем ни в чем неповинном сопернике. Поводом к этому послужила несчастная судьба некоторых благочестивых иноков Нитрийской пустыни, которая со времени основания монашества постоянно была любимым местом

отшельничества и в ней жило множество иноков, подвизавшихся в молитве и труде. Среди этих иноков особенно славились своим благочестием и даже ученостью четыре брата, которые по своему необычайному росту прозваны были „долгими братьями". Сначала сам Феофил относился к ним с уважением и двоих из них даже принудил принять сан священства для служения в самой Александрии. Но когда братья с чисто отшельнической прямою сказали ему, что они не могут служить в городе, оскверняемом пороками самого архиепископа, то Феофил пришел в ярость, разразился против них потоками ругательств и стал обвинять их в приверженности к зловерным учениям Оригена. Эти учения, широко распространенные в то время, действительно требовали большой бдительности со стороны архипастырей и против них энергично боролись многие ревнители православия, как напр. св. Епифаний кипрский, который нарочито ездил в Палестину для подавления там этой ереси. Но Феофил вовсе не был таким строгим ревнителем, раньше и сам придерживался Оригена, и если теперь стал преследовать оригенизм, то только потому, что это гонение давало ему одно лишнее оружие в руки для расправы со всеми своими противниками и врагами, которых он своею незаконною жизнью приобрел не мало. Не довольствуясь этой расправой с „долгими братьями", он созвал даже собор из своих ставленников и подручных епископов, и на нем „долгие братья" осуждены были как еретики и волхвователи, заразившие своим еретичеством всю пустыню. Мало того, чтобы истребить, так сказать, смелое гнездо ненавистной ему ереси, он велел разрушить нитрийские скиты и во время этого разгрома многие иноки подверглись жестоким побоям и увечьям, а строения разрушены и сожжены. Долгие братья едва спаслись бегством в недоступные места пустыни, где вместе с другими спасшимися от разгрома могли только со слезами видеть дым, курившейся над развалинами их родных обителей. Оказавшись после этого в крайне беспомощном положении, разоренные иноки не знали, что им делать. Под властью Феофила им нельзя было оставаться больше, и потому они партией отправились сначала в Иерусалим, а затем добрались и до столицы, думая найти себе там защиту у великаго, славившагося своим милосердием ко всем угнетенным и гонимым, архиепископа константинопольскаго, а чрез него и у самого царя. Св. Иоанн Златоуст действительно принял их с свойственною ему добротою и обещался походатайствовать за них пред Феофилом, но в тоже время, соблюдая каноническая правила, запрещавшая одному епископу вторгаться в область ведения другого, действовал

осторожно, тем более, что депо касалось обвинения в ереси Оригеновой. Прежде чем стать на сторону гонимых иноков, необходимо было выяснить эту сторону дела. Поэтому он написал к Феофилу братское письмо, в котором просил его как-нибудь уладить дело с огорченными иноками. Надменный Феофил даже это письмо счел для себя оскорблением и ответил на него „жестоко“. Между тем, „долгие братья“, видя нерешительность св. Иоанна, сами обратились с жалобой на александрийского патриарха к императору и в своей жалобе изложили целый ряд страшных обвинений против Феофила, как человека в высшей степени жестокого и преступного. Дело принимало весьма неприятный для него оборот. Ему угрожал суд, и если бы св. Иоанн согласился стать во главе этого суда, то Феофилу не избежать бы кары правосудия. Но он, опасаясь смут и раскола в церкви, уклонился от этого суда, хотя Феофилу уже послано было формальное требование явиться к ответу. Александрийский патриарх быстро понял положение дела и, раньше уже всею душой ненавидя св. Иоанна, теперь порешил излить на него свою злобу и низвергнуть его, чтобы, на место его поставив кого-нибудь из своих подручных ставленников, навсегда устранить самую возможность повторения столь оскорбительных для него требований к судебному ответу. И у него быстро составилась план действия. Если Иоанн принял под свою защиту „долгих братьев“, этих проклятых еретиков, последователей осужденного церковью Оригена, значит он и сам оригенист, и как последователь еретика не достоин занимать престола столицы! И вот этот интриган, „умевший хитро составлять лжу“, начал действовать в этом направлении с изумительною ловкостью. Посредством своих агентов усиливая ряды врагов Иоанна в столице, он сумел даже возстановить против него такого знаменитого и всеми уважаемого святителя, как св. Епифаний Кипрский. Зная всю православную ревность этого святителя, который неутомимо боролся с заблуждениями Оригена, Феофил коварно внушил ему, что православию грозит страшная опасность, так как зловредная ересь Оригена проникла в самое сердце церкви и возсела на константинопольском престоле - в лице архиепископа Иоанна! Простосердечный старец-святитель пришел в ужас и, не смотря на свой глубокопреклонный возраст, счел своею обязанностью отправиться в Константинополь, чтобы искоренить ересь. К несчастью, он даже не счел нужным подвергнуть дело обстоятельному расследованию чрез братское собеседование с Иоанном, а прямо считав его зараженным ересью, даже не вступил в обычное с ним общение, отслужил литургию в одной из находящихся

неподалеку от столицы церквей и даже совершил рукоположение в диакона, не испросив на то соизволения местного епископа, как это требовалось каноническими правилами. Принятый с необычайными почестями при дворе со стороны императрицы, Епифаний поселился в частном доме и, не сносясь с Иоанном, порешил сразу при торжественном богослужении в соборной церкви архиепископа совершить великое отлучение над всеми приверженцами Оригена, в том числе прикровенно и над самим Иоанном. Видя все это, св. Иоанн скорбел душой и старался всячески успокоить старца, разъясняя ему, как неблагоприятно совершать столь великое дело, как отлучение, не подвергнув тщательному соборному изследованию самой основательности обвинения. Епифаний действительно заколебался, тем более, что от весьма многих он стал слышать совершенно иные отзывы об Иоанне, как человеке глубокой веры, великой добродетели и безпорочной жизни, и недоумевал, что же все это значит. Тогда на сцену выступила сама императрица и вновь настроила Епифания против неприятного ей Иоанна. Уже раньше недовольная архиепископом за беспощадныя обличения светской пустоты, порочности и алчности высших классов столицы, она как раз в это время была особенно раздражена против него по случаю неудавшейся попытки ограбить одну беззащитную вдову. Позавидовав ея винограднику, Евдоксия, подобно нечестивой Иезавели, порешила овладеть им, и действительно уже наложила на него руку; но вдова со слезами обратилась к зашити архиепископа, и он, подобно Илие, безстрашно выступил против алчности царицы, лично явился во дворец с ходатайством за обиженную вдовицу, и когда императрица, не вняв его ходатайству, даже велела грубо удалить его из палаты, то святой Иоанн запретил ей доступ в церковь, а сам произнес беседу об Илие и Иезавели. Эта беседа произвела громадное впечатление на народ, который не преминул истолковать ее в том смысле, что под Иезавелью разумеется никто иная, как царица Евдоксия, и когда доносчики не преминули довести до сведения императрицы, ярости ея не было пределов. Она порешила уничтожить ненавистного ей Иоанна. Призвав к себе Епифания, она стала и лестью и угрозами убеждать его, чтобы он принял какия-нибудь меры к осуждению Иоанна как еретика и потому недостойного занимать архиепископский престол. Когда Епифаний стал возражать ей, что не следует давать волю своему гневу и нужно предварительно изследовать дело, то Евдоксия, вне себя от ярости и раздражения, стала даже угрожать тем, что если он воспрепятствует изгнанию Иоанна, то она сама

отречется от христианства, отворит все языческие капища, совершит многих и причинит всевозможные бедствия церкви. Епифаний подивился такой злобе царицы и, опасаясь, как бы она действительно не наделала бед, счел за лучшее уклониться от этого дела и без дальнейшего расследования предмета отправился в свою епархию, на пути в которую и скончался.

За всеми этими событиями зорко следил Феофил александрийский и его агенты подкупом и наговорами усиливали и раздували вражду против Иоанна. С особенным торжеством он видел, что во главе этой вражды стала сама императрица, которая для достижения своих целей не пренебрегала никакими средствами. Дворец ее сделался открытым для всех врагов и клеветников на святителя и в ее палатах собирались все те великосветские Иезавели, которые считали себя оскорбленными Иоанном, так беспощадно изобличавшим их низкое лицемерие, наглую хищность, безумную роскошь и нравственную распущенность, и в их тайных совещаниях строились ковы против святителя и сочинялись самые оскорбительные для него клеветы и грязные наветы. Обо всем этом знал и император Аркадий. Лично он уважал и любил великого святителя и в душе горевал о вздымавшейся против него злобе. Но он был слаб и нерешителен и, зная злой, неукротимый нрав царицы, предпочитал молчать, как будто ничего не зная. Все это было на руку Феофилу, и он, наконец убедившись в том, что почва подготовлена, порешил отправиться в Константинополь, но уже не как подсудимый, а как судья, порешивший так или иначе погубить ненавистного ему архиепископа. В этом убеждении он окончательно утвердился, когда получил от самой Евдоксии письмо, в котором она просила его немедленно прибыть в Константинополь и ничего не бояться. „Я, писала она, упрощу и царя о тебе и всем твоим противникам загражду уста, только немедленно приходи, собери возможно больше епископов, чтобы изгнать врага моего Иоанна". Теперь Феофил мог уже быть вполне спокоен за успех своего дела и он отправился в столицу - с целой флотилией, нагруженной разными драгоценностями: индийскими ароматами, великолепными плодами и овощами, многоценными египетскими материями - шелковыми и златотканными, - и все это для того, чтобы блеснуть своим богатством в столице и подарками подкупить в свою пользу возможно больше влиятельных лиц. С своей флотилией Феофил прибыл в Константинополь в августе 403 года и на пристани был восторженно встречен большой сворой своих

агентов и подкупленного ими разного уличного сброда. Император, узнав о его прибытии, не хотел принять его, смотря на него как на подсудимаго; зато Евдоксия разсыпалась пред ним в знаках уважения и, принимая его тайно в своих палатах, торопила поскорее приступить к делу. По ея настоянию, Феофил порешил созвать собор - для суда над Иоанном, и так как в столице этот незаконный суд чинить было неудобно и небезопасно, то местом его был избран Халкидон, находившийся по другую сторону пролива, на азиатском берегу, тем более, что и епископом Халкидона был некий Кирин, египтянин, соумышленник и даже родственник Феофила. Так как у Феофила наготове был и необходимый для собора запас епископов, отчасти привезенных им с собою из Египта, а отчасти захваченных по пути и прельщенных подарками и во всяком случае послушных и преданных ему, то действительно и открыт был собор, в загородном помещении, в предместьи Халкидона, известном под названием „При дубе“.

Собор составил из 23 епископов, и это незаконное собрание, открывшее двери всем клеветникам и недоброжелателям Иоанна, начало производить суд над святейшим архиепископом, златословесным учителем вселенной! Выслушав показания разных проходимцев, отрешенных от должности диаконов и разстриженных монахов, изливавших свою злобу на подвергшаго их заслуженной каре святителя, собор составил обвинительный акт в 29 пунктов и потребовал от Иоанна, чтобы он явился для ответа. Иоанн с горечью видел, что злоба его врагов начала увенчиваться успехом, и простодушно удивлялся, как все это могло случиться и как Феофил, сам вызванный в качестве обвиняемаго, успел так скоро изменить положение дела и сам выступал обвинителем и судьей. Собрав вокруг себя преданных ему епископов, в числе сорока, он обратился к ним с трогательною речью. „Молите Бога о мне, братие, говорил он, и если любите Христа, не отходите от церквей ваших; для меня уже приблизилось время бед, и приняв много скорбей, я должен отойти из жизни сей. Вижу, что сатана, не вынося моего учения, созвал уже против меня соборище. Но вы не скорбите обо мне, но поминайте меня в молитвах ваших“. Эта глубокотрогательная речь привела их в ужас и они заплакали. Утешив их, Иоанн выработал план действия и полный сознания своей правоты порешил не признавать законности и правоспособности придубскаго собора и, не смотря на неоднократный вызов его на этот собор в качестве обвиняемаго, отказался явиться на него. Разъяренные этим

отказом, члены придубского собора даже избili посланных им с ответом епископов и пресвитеров, ввергнув одного из них в железные кандалы, уже заготовленные для Иоанна, и затем подкрепив себя новыми лжесвидетелями, продолжали заочно судить ни в чем неповинного и чистого сердцем святителя. А он в то же время, заседа с своим собором, с полным спокойствием смотрел в лицо надвигавшейся на него бури бедствий и, вполне сознавая свою невинность, говорил: „пусть пенится и ярится море, но камня оно не может сокрушить; пусть вздымаются волны, но Иисусова корабля не могут потопить. Чего нам бояться? Смерти ли? - Но мне еже жити - Христос, и еже умрети - приобретение. Изгнания ли бояться? - Но Господня есть земля и исполнение ея! Бояться ли отнятия имений? - Но всем известно, что мы ничего не принесли с собой в мир, как ничего не может и взять с собою. Я ни нищенства не боюсь, ни богатства не желаю, ни смерти не страшусь; молю только об одном, заключил он, чтобы вы преуспевали в добром". Такие речи могли вытекать только из сердца праведника, вся жизнь которого сосредоточивалась во Христе, и для него безстрашны были все ковы врагов. Не имея возможности вызвать Иоанна на суд, незаконное собрание порешило осудить его заочно, и действительно на основании всех выслушанных клевет и обвинений, оформленных в 32 пунктах, Иоанн был объявлен достойным низвержения и состоявшееся постановление было отправлено на утверждение императора. Малодушный император, видя теперь пред собою не только страшный для него нрав злорадствующей царицы, но и целое соборное определение, и опасаясь, что ему угрожает масса всяких хлопот и неприятностей в случае сопротивления, порешил лучше пожертвовать святителем, и утвердив постановление, дал приказ об удалении Иоанна. Уже отправлены были воины с наказом взять его и отправить в ссылку. Но лишь только слух об этом разнесся по городу, как народ заволновался и массами двинулся на защиту своего любимого архипастыря. Угрожало кровопролитие между народом и войском. Тогда невинно осужденный праведник, желая избегнуть бесполезного смятения и неповинных жертв человеческих страстей, сам тайком вышел из своего дома и отдал себя в руки воинам, которые немедленно отвели его на пристань, посадили на корабль и отправили в Пренет, близ Никомидии.

Все это случилось под покровом ночи, и когда на утро народ узнал, что его возлюбленный святитель, безстрашный проповедник правды, защитник сирых, бедных, труждающихся и обремененных, златословесный Иоанн уже удален и сослан,

то в столице началось страшное смятение. По улицам начались схватки и буйства, во время которых многие были изувечены и даже убиты и городу угрожали разныя бедствия. Народ заволновался как разъяренное море и повсюду - и в церквах и на площадях - только и было речи, что о вопиющей неправде состоявшагося над Иоанном суда. Среди толпы поднимались даже шумные голоса, требовавшие, чтобы главный виновник этого горестнаго события, Феофил александрийский был побит камнями, и это несомненно и случилось бы, если бы он, узнав об угрожающей ему опасности, тайно не выехал из столицы. Тогда не имея возможности излить свою ярость на Феофила, народ огромной массой двинулся к дворцу и там с криками и рыданиями просил, чтобы ему возвращен был святитель Иоанн. Слыша эти угрожающие крики, Евдоксия испугалась; но продолжала настаивать на своем, надеясь, что пустые народные вопли пронесутся и смолкнут как ветер. Тем не менее сердце ея дрогнуло и она в тайнике души уже начала раскаяваться во всем совершившемся. Когда она таким образом колебалась, вдруг произошло страшное землетрясение, и особенно грозный удар потряс покой самой императрицы. Тогда она объята была ужасом и, уваренная, что это гнев Божий, карающий ее за причиненное великому святителю оскорбление, бросилась в ноги императору и стала умолять его отменить свой приказ и возвратить Иоанна. Получив согласие императора, она немедленно собственноручно написала Иоанну письмо, в котором, призывая его возвратиться в столицу, всячески старалась оправдаться пред ним, уверяя его, что лично не имеет против него ничего и введена была в заблуждение коварством негодных людей. С этим письмом и приказом императора гонцы поскакали во все стороны и сначала не знали, где искать святителя. Наконец царедворцу Врисону удалось напасть на следы его пребывания в Пренете и он, найдя его там, умолял святителя поскорее возвратиться в город и успокоить до крайности перепуганную царицу. И великий святитель, забыв о всех нанесенных ему оскорблениях и со всепрощением праведника, возвратился в город, где уже несметныя массы народа и на берегу пролива, и на многочисленных лодках и судах, покрывших весь Босфор, приготовились встретить своего возлюбленного архипастыря. Иоанн сначала не хотел было вступать в самый город, желая, чтобы предварительно созван был собор епископов, который отменил бы состоявшееся над ним осуждение придубскаго собора. Но народ не хотел и слышать об этих формальностях и, почти силою взяв Иоанна, в торжественной процессии со всевозможными выражениями

радости и восторга, повел его прямо в кафедральный собор и поставил на том амвоне, с которого привык услаждаться его златословесными беседами и поучениями, и хотя св. Иоанн был до крайности утомлен и подавлен волновавшими его чувствами, однако произнес краткую, но сильную речь, в которой от глубины сердца возблагодарил Бога, благодетельного всем, и народ за его преданность своему пастырю. Народ ликовал и многие плакали от радости, а темная свора его врагов, видя этот неудержимый порыв народной радости, поспешила рассеяться и укрыться.

Святой Иоанн по милости Божией возвращенный народною любовью на свой престол и оправданный от состоявшегося над ним осуждения новым собором из 65 епископов, начал попрежнему право править делами церкви Христовой и из уст его попрежнему полились сладостныя для слуха и сердца беседы и поучения. Водворился опять мир, но к несчастью не надолго. Это было лишь временное затишье перед новой бурей и еще более яростной. Хотя враги Иоанна присмирели, но в сердце своем они затаили еще более смертельную вражду и злобу против него и ждали первого удобного случая, чтобы вновь обрушиться на ненавистного им святителя, который не только своими обличительными беседами, но еще более своею праведною жизнью служил нестерпимым укором для всякой неправды, злобы и порочности. И первой зачинщицей бури опять выступила императрица Евдокия, которая, оправившись от волнения и страха, вновь начала враждебно относиться к архиепископу. При необузданности нрава царицы, не терпевшей ни малейшаго препятствия в стремлении к ненасытному тщеславию, столкновение между нею и святителем не заставило себя долго ждать, и оно произошло чрез два месяца по возвращении Златоуста на свой престол по следующему случаю. Чувствуя, что она именно глава государства, а не малодушный и ничтожный Аркадий, Евдокия заявила притязание на небывалую для императриц почесть – сооружение особой колонны, увенчанной серебряным ея изображением, на самой важной площади столицы, около церкви св. Софии. Это необузданное честолюбие Евдокии возбудило даже негодование на западе и Гонорий счел своим долгом предостеречь своего брата Аркадия от подобного нарушения древних обычаев; но Евдокия ничего не хотела знать, и колонна с ея серебряной статуей на вершине была поставлена при всевозможных торжествах и ликованиях. Вследствие близости колонны к церкви, шум этих непристойных торжеств с языческими церемониями и плясками делал невозможным самое

богослужение, и так как они продолжались несколько дней, то святителю не могло не показаться все это явным и даже намеренным оскорблением святыни. Сначала он хотел чрез префекта устранить это кощунство; но когда префект не оказал ему в этом отношении никакого содействия, то он произнес резкую обличительную беседу, которую, по свидетельству историков, начал знаменитыми словами: „Опять беснуется Иродиада, опять мятется, опять рукоплещет и пляшет, опять главы Иоанновой ищет“. Доносчики и враги Иоанна не преминули с злорадством довести об этом до сведения царицы, истолковав эти слова в том смысле, что в них она сравнивается с Иродиадой, и Евдоксия пришла в полное неистовство, с плачем жаловалась царю на нанесенное ей оскорбление и требовала, чтобы вновь был созван собор для низвержения невыносимаго дня нея иерарха. К Феофилу полетели от нея письма, в которых она умоляла его вновь приехать в Константинополь и докончить низвержение Иоанна. Тот, конечно, рад бы был исполнить просьбу царицы, так совпадавшую с его собственным желанием; но полученный им раньше урок, когда он едва не побит был камнями от народа, заставил его быть поосторожнее, и он, не желая вновь подвергать себя опасности, отправил вместо себя трех епископов - заместителей, снабдив их необходимыми наставлениями, и между прочим канонами, на основании которых можно было осудить Иоанна. Эти каноны были арианскаго происхождения, составлены были некогда арианами на Афанасия Великаго и следовательно не имели силы для православной церкви; но так как в них заключалось одно постановление, весьма пригодное в данном случае, именно, что епископ, раз низвергнутый собором, не может вновь занимать престола без отмены прежняго постановления другим большим собором, то Феофил ничтоже сумняся и настаивал на применении этого правила к Иоанну, который-де вновь занял свой престол просто по распоряжению царя и воли народа, без правильного соборнаго определения. Собор действительно опять составиля почти из тех же епископов, которые заседали и „При дубе“, и конечно произнес новое осуждение на Иоанна, обвиняя его именно в нарушении указанного канона. Осуждение это было вдвойне незаконно, потому что в данном случае канон, составленный еретиками с явно злонамеренною целию - погубить великаго поборника православия, был неприменим и потому, что в действительности Иоанн по возвращении из ссылки был оправдан от осуждения его придубским собором со стороны большаго собора, состоявшаго из 66 епископов; но злоба врагов не признавала

никаких доводов, и Иоанн был объявлен низвергнутым и это постановление утверждено императором.

Таким образом над главою многострадального Иоанна опять разразилась громовая туча: он опять был в опале и извержен из своего сана. Наученный горьким опытом из прежнего случая, император однако опасался теперь прибегнуть к насилию над низвергнутым святителем и хотел заставить его удалиться добровольно, стараясь при всяком случае доказывать ему, что он больше не архиепископ и незаконно занимает престол. Так в праздник Рождества Христова 403 года император не хотел принять от него св. причастия. В таком неопределенном положении дело оставалось до самой Пасхи. Наконец царь, наущаемый Евдоксией, которая не давала ему покоя, пока еще оставался на своем престоле ненавистный ей святитель, порешил к светлому празднику Христову совсем удалить Иоанна и послал ему приказ оставить церковь. Св. Иоанн, исполненный сознания своей правоты и пастырского долга, отвечал, что он не оставит церкви, которая вверена ему Христом Спасителем, чтобы не понести ответа за самовольное оставление ея. Пусть изгонят его силою, и тогда на него не падет вина эта. Царь заколебался от такой стойкости святителя; но видя над собою неумолимую тираннию Евдоксии, порешил так или иначе покончить с этим тяжелым делом. Придворному сановнику Марину поручено было силою удалить Иоанна из церкви, где он уже готовился совершить св. крещение над 3,000 оглашенных. Сановник исполнил приказ с полицейскою точностью, и светлый праздник был омрачен безобразными сценами дикаго насилия (16 апр. 404 г.). Силою ворвавшись в церковь, полуварварские воины, под начальством язычника Луция, начали беспощадно громить все, предаваясь всяким буйствам и грабежу. Те, кто пытались защитить святителя, были избиты, духовенство выгнано из храма и даже полураздетые оглашенные, уже приготовившиеся для крещения, выгнаны были на улицу, евхаристия осквернена и священные сосуды ограблены. Мерзость запустения водворилась на месте святе, и до глубины души огорченный святитель был заключен в патриаршем доме, где он и оставался еще два месяца под домашним арестом. Положение его с каждым днем становилось все тяжелее и он находил себе единственное утешение в молитве, да в обществе близких ему лиц, среди которых истинным ангелом хранителем для него была благочестивая диаконисса Олимпиада. Ища себе защиты от злобы врагов, Иоанн в это время обращался с письмами к влиятельным епископам

запада - к папе Иннокентию I и архиепископам Венерию медиоланскому и Хроматию аквилейскому. Эти иерархи глубоко сочувствовали константинопольскому святителю, ужасались силе злобы его врагов, но помочь были не в состоянии. Медлительность дела между тем все более ожесточала его смертельных врагов, и вокруг патриаршаго дома стали появляться подозрительные и темные личности, которые прямо покушались на жизнь святителя. У ворот патриаршаго дома был схвачен верным Иоанну народом один мнимо-бесноватый, у которого оказался спрятанным кинжал, припасенный с преступною целию. В другой раз обратил на себя внимание какой то раб, который в необычном волнении и торопливо пробирался к патриаршему дому. Заподозрив его в злом умысле, кто-то задержал его и спросил, что он так торопится, а тот ничего не отвечая ударил его кинжалом. При виде этого другой вскрикнул от ужаса, а он и его ударил кинжалом, а потом и третьяго, подвернувшегося под руку. Поднялись крики и вопли, а раб бросился бежать, размахивая окровавленным кинжалом и отбиваясь от гнавшего за ним народа. В одном месте его хотел перенять человек, только что вышедшей из общественной бани, но был замертво поражен кинжалом. Когда наконец этот разъяренный зверь был схвачен, то сознался, что был подкуплен за пятьдесят золотых убить Иоанна. После этого несчастного случая народ стал неотступно охранять дом своего гонимого архипастыря и среди него начались волнения, которые угрожали страшными ужасами и мятежами. Тогда, чтобы предупредить напрасное кровопролитие, смиренный святитель порешил, как и в первый раз, добровольно отдать себя в руки светской власти. Созвав в последний раз всех своих приближенных, он убедил их быть твердыми в православной вере и дал им последнее целование. Прощание было глубоко трогательное. Все плакали горькими слезами; плакал и сам святитель. И затем, положившись на Промысл Божий, без воли Котораго не падет волос с головы, святитель малыми дверьми вышел из дома и незаметно направился к морю, где его взяли воины и, посадив в лодку, перевезли в Вифинию. Узнав об этом, все враги возликовали, но радость их омрачена была страшными бедствиями. В самой патриаршей церкви неизвестно от какой причины вспыхнул пожар: раздуваемая ветром, огненная стихия высоко поднялась к небу и, на подобие радуги изогнув свой всепожирающей исполинский язык, зажгла палату сената. Пожар превратился в огненное море и истребил множество лучших зданий столицы. Все объаты были ужасом и невольно видели в этом бедствии страшный гнев Божий в возмездие за страдания праведника. Но ожесточенные враги святителя и

тут нашлись и стали распространять молву, что пожар произошел от злонамеренного поджога единомышленников Иоанна. Многие из близких к нему лиц поэтому были арестованы градоначальником, который как язычник жестоко пытал мнимых виновников, так что многие даже умерли под пытками, хотя причина пожара так и осталась невыясненной. На архиепископский престол возведен был престарелый брат Нектария Арсакий, а оставшиеся верными истинному архипастырю заклеяны были кличкой „иоаннитов" и подвергались всевозможным гонениям, конфискации имений и ссылкам, пока подобная жестокости не подавили всех страхом, принудив к покорности и безмолвию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Св. Иоанн Златоуст в заточении и его блаженная кончина

(404-407 гг.).

Таким образом неправда восторжествовала, нечестивые гонители праздновали победу, а величайший праведник, истинно великий светильник для грешного мира был оскорблен и изгнан. Но торжество это было лишь внешнее и призрачное. Действительной победительницей всегда бывает правда, и хотя бы она была гонима и попираема, хотя бы была увенчана терновым венцом и вознесена на позорный крест, ее победного лика не могут омрачить никакие мучения и казни и она восторжествует над своими мнимыми победителями. „Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть царство небесное". А кому принадлежит царство небесное, тому принадлежит и победа, потому что оно только и есть цель всех стремлений и высших домогательств человеческой души. Кто не достоин царства небесного, тот есть несчастнейший из несчастных, погубил свою земную жизнь, и хотя бы видимо торжествовал победу, в действительности есть побежденный, повергнутый в прах и уничтоженный. Все это и оправдалось на последующей судьбе как самого великого угодника Божия Иоанна, так и на его жестоких гонителях.

Изгнав великого святителя из столицы и таким образом

достигнув желанной цели своих злобных домогательств, императрица Евдоксия однако еще не успокоилась и старалась о том, чтобы поскорее уничтожить самые следы существования Иоанна. Даже и в заточении, в качестве беспомощного узника, Иоанн все еще страшен был для нея и в ее преступной совести все еще гремели обличительные слова: „опять беснуется Иродиада, опять мятется, опять пляшет и рукоплещет, опять главы Иоанновой ищет". Одно воспоминание об этих словах приводило ее в злобное неистовство, и она действительно продолжала искать главы Иоанновой. Она не преминула дать воинам, отправлявшим его в заточение, строгий наказ, чтобы они обращались со своим узником возможно жесточе и всячески оскорбляли его, и это с тою целию, „дабы умер скорее". Такова сатанинская жестокость этой своенравной женщины! Варварские воины конечно были рады стараться и причиняли великому праведнику всевозможные оскорбления, стараясь всячески отравлять ему жизнь. Посадив его на голую спину лошака, они с жестокою поспешностью гнали животное, делая в один день такие переходы, какие следовало бы сделать только в два или три дня. Не давая ему ни малейшаго отдыха днем, они и на ночь останавливались в грязных гостинницах, иногда в еврейских корчмах, а иногда и прямо в блудных домах, совершая при нем всевозможные гнусности. В церковь нигде не позволяли ему входить, и когда он заявлял желание об этом, то его подвергали всяким ругательствам и оскорблениям и томили голодом, отнимая положенный ему паек. Таков-то был крестный путь великого угодника Божия, направлявшагося к месту своего заточения. Но оскорбления ему причиняли не одни только грубые варвары-воины. Когда случалось им проходить чрез города, где жили друзья Феофила александрийскаго и следовательно ожесточенные враги Иоанна, то и эти недостойные пастыри всячески старались излить свою злобу на страдальце; некоторые совсем не впускали его в город, а другие даже поощряли воинов поступать с ним возможно жесточе. Один из его смертельных врагов, епископ Кесарии Каппадокийской, некий Фаретрий, позоривший славную кафедру Василия Великаго тем, что его главным занятием была псовая охота на зайцев, едва не погубил его жизни. С притворным гостеприимством отведя для него особый дом, Фаретрий подговорил монахов произвести на этот дом нападение, и святитель, спасаясь от ярости этих негодных людей, должен был ночью бежать из города, пробираясь по ухабистым горным тропам. Мул под ним при этом споткнулся и страдалец, упав с него, получил такой сильный ушиб, что долго пролежал в опасном для жизни

обмороке. Положение страдальца было бы ужасным, если бы он не носил в своей собственной душе источника той неизреченной радости, которой никто не может отнять в этом мире и которая нередко прорывалась наружу, когда святитель, в безграничном уповании на всевидящий и благоустраивающий Промысл Божий, неоднократно говорил: „слава Богу за все". Не малым утешением для него было и то, что по местам его встречали с глубочайшим сочувствием как епископы, так и народ, и проливали о нем горячие слезы. Особенно трогательно было зрелище в Таврокиликки, где на встречу ему вышло множество девственниц, которые или слышали когда-то его златословесныя беседы или, по крайней мере, читали его великия творения о девстве, сделавшияся вечным источником назидания и ободрения для всех подвижниц этого рода. Увидев великаго святителя, ведомого в заточение, оне огласили воздух громким плачем и, проливая горькия слезы, вопили: „лучше бы было, дабы солнце угасло, нежели уста Иоанновы умолкли". Это зрелище до глубины души тронуло страдальца и он плакал и сам, находя себе в то же время великое утешение в столь искреннем и глубоком сочувствии даже со стороны тех, которых он никогда раньше не видел и не имел о них никакого попечения.

Местом ссылки для св. Иоанна назначена была отдаленная и бедная деревня Кукуз в Малой Армении, терявшаяся в одной из глухих долин дикого Тавра, где гнездились разбойничье племя исаврийцев, которые то и дело совершали набеги на окружающия селения, производя грабежи и убийства. В этой живой могиле и должен был проживать бывший патриарх столичнаго города. Враги его могли бы наконец успокоиться, если бы гнев Божий и возмущенная совесть не явились грозной карой для них за совершенную ими неправду. Слух о совершившемся в Константинополе насилии возмутил всех даже на далеком западе. Папа Иннокентий I, узнав о подробностях дела, сообщил обо всем императору Гонорию и просил его ходатайствовать пред своим братом, которому с своей стороны написал сильное и трогательное письмо. „Кровь брата моего Иоанна, писал он, вопиет к Богу на тебя, царь, как в древности кровь Авеля праведнаго вопияла на братоубийцу Каина, и она будет отомщена, потому что ты во время мира воздвиг гонение на церковь Божию, изгнал ея истиннаго пастыря, изгнав вместе с тем и Христа, а стадо вручил не пастырям, а наемникам". Гонорий с своей стороны также писал брату, укоряя его в неразумной жестокости, и отправил посольство для расследования дела. Но Аркадий, считая уже дело непоправимым и главнее всего опасаясь

злого нрава Евдоксии, перешел, как это обыкновенно бывает с слабыми натурами, от малодушия к дерзости, и отнесся к посольству своего брата с оскорбительным пренебрежением, хотя в душе и терзался сознанием допущенной им неправоты. Между тем праведный гнев Божий начал производить должное воздаяние всем совершителям зла. В сентябре 404 года над Константинополем разразилась страшная буря с градом чудовищной величины, который в один миг истребил жатвы и сады. Вместе с тем раздавались глухие подземные удары и мать-земля стонала и колыхалась под ногами нечестивцев, как бы не вынося совершившагося позора. 6 октября того же года отозвана была к судилищу Бога живаго и сама императрица Евдоксия. Жажда смерти великаго праведника, она сама скорее подверглась смерти и умерла в мучительных страданиях от родов. За нею с изумительною быстротою понесли заслуженную кару и другие из главных злоумышленников и врагов угодника Божия. Так епископ Кирин Халкидонский, один из главных деятелей печального собора „При дубе“, подвергся страшной болезни от разбереженной ему мозоли, на которую нечаянно наступил епископ Маруфа: у него сгнили ноги, и не смотря на то, что неоднократно совершалась ампутация, он умер от Антонова огня. Один из врагов святителя получил смертельный ушиб при падении с лошади, другой умер от гнойной водянки, третий от рака на языке, заставившаго его сознаться в тяготевшем на его душе мрачном преступлении. Феофил александрийский, временно избегнув суда человеческого, также впоследствии не избег суда Божия. От крайняго напряжения в своих злобных ухищрениях он помешался и умер скоропостижно - от паралича. Если не телесно, то еще более душевно терзался и злополучный император Аркадий, который, освободившись наконец от невыносимой тирании своей злонравной супруги, хотел найти себе облегчение от сердечной туги в молитвах пустынников. Но когда он обратился с просьбою помолиться за него к знаменитому синайскому отшельнику Нилу, то отшельник с истинною твердостью и дерзновением древних пророков отписал ему: „По какому праву желаешь ты, чтобы царствующий град избавлен был от опустошающих его землетрясений, когда в нем совершаются такие преступления, нечестие с неслыханною наглостью возводится в закон, и когда из него изгнан столп церкви, светило истины, труба Христова, блаженный епископ Иоанн? Как можешь ты желать, чтобы я согласился молиться об этом злосчастном городе, потрясенном всесокрушающим гневом небес, когда я изнываю от скорби, потрясен духом и когда мое сердце разрывается от злодеяний, совершенных на твоих глазах против всех законов”

Так праведный гнев Божий карал делателей зла, и они, думая праздновать свою победу, в действительности несли страшное поражение, терзаясь и душой и телом. А в это самое время великий угодник Божий, державшийся того христианского убеждения, что „Господня земля и исполнение ея“, нашел себе успокоение и даже радость в самом Кукузе, который своею удаленностью от суеты грешного мира как бы вновь возвратил его к пустынножительству, столь сладостному для его утомленного невзгодами духа. Там у него нашлись и почитатели в лице местного епископа Аделфия и именитого жителя деревни Диоскора, который предоставил в распоряжение святителя свой дом и заботился о всех его нуждах. Не забыли его и старые друзья, и многие из них приходили посетить его в заточении даже из Константинополя и Антиохии. Особенно сочувственно отзывались антиохийцы, эти возлюбленнейшие его духовные дети, которых он более всего любил и для блага которых более всего потрудился. Когда слух о заточении св. Иоанна дошел до Антиохии, то из нея потянулись в Кукуз целые караваны поклонников и почитателей, так что ничтожная армянская деревня сделалась для них как бы местом благочестиваго паломничества. Не даром озлобленные враги святителя с ярою завистью говорили: „Вся Антиохия в Кукузе!“ И сам святитель не забывал своих прежних друзей и духовных чад. Он вел с ними оживленную переписку, и особенно с благочестивой диакониссой Олимпиадой, сохранившиеся до нас письма к которой дышат глубокохристианскою любовью святителя и отца церкви, не перестававшаго и в своем заточении пещись о духовном благе своих чад. Переписывался он и со многими епископами как восточными, так и западными, и в этих письмах оставался все тем же великим святителем, который, как бы забыв о своем собственном печальном положении, продолжал заботиться о благе и преуспевании церкви Христовой. Мало того, он не оставлял и своей заветной мечты - возможно шире распространять царство Божие среди сидящих во тьме и сени смертной. Сам находясь в заточении, он подобно апостолу Павлу, во время его нахождения в узах, продолжал заботиться о спасении других, и вновь обращал свои взоры к Финикии, где так много уже сделал для разогнания языческой тьмы. Он заботился о снаряжении туда новой миссии, старался утверждать уже ранее основанная там церкви. Неподалеку от него находилась Персия, которая первоначально представляла весьма благоприятную почву для распространения Евангелия, но в это время христиане

стали там подвергаться ожесточенным гонениям, как враги государства. Многие христиане кровно запечатлели свою преданность вере, и положение всех было угнетенное. И вот великий святитель пришел на помощь и к этим угнетенным христианам и своею апостольскою ревностью поддержал христианство и в этой стране. Но более всего его занимала мысль о просвещении светом евангельской истины полуварварских готов, эту молодую сипу, которая в своем непросвещенном состоянии представляла грозу для христианского цивилизованного мира, а с принятием православной веры могла бы обновить дряхлевший греко-римский мир. Таким образом ничтожная армянская деревня, о которой раньше едва ли кому было известно, теперь сделалась средоточием апостольства, лучи которого распространялись далеко - во все страны света, и все это потому, что в этой деревне заточено было великое духовное светило мира, светившее не заимствованным, а своим собственным духовным светом.

Когда таким образом низложенный и униженный всячески патриарх и в своем далеком заточении продолжал оставаться все тем же светилом миру, каким он был в Антиохии и Константинополе, и когда жалкая деревня Кукуз угрожала затмить самый Константинополь, все это стало до крайности беспокоить тех, кому возвышение Иоанна было равносильно их собственному посрамлению. Все уцелевшие от праведной кары Божией и оправившиеся от страхов враги его (а их еще было много) вновь пришли в движение и стали замышлять новые ковы против низверженного ими святителя. Они думали, что он уже умер для них, а между тем он оказывался жив и начинал сосредоточивать на себе глаза всего христианского мира. „Смотрите, переговаривались они между собой, как этот мертвец становится опасным для живых и своих победителей". Им уже мерещился страшный призрак, как бы Иоанн вновь не возвратился на константинопольский престол, где он, по их мнению, должным образом расправился бы с своими врагами. И это казалось тем естественнее, что слабый преемник его Арсакий вскоре помер. Нужно принять меры, чтобы поскорее похоронить его. И действительно они приняли все меры к тому. Пущены были в ход все обычные в таких случаях интриги и подходы для того, чтобы разрушить столь опасное для них гнездо, каким сделалась деревня Кукуз. И вот они добились того, что приказано было удалить оттуда Иоанна и перевести в новое место заточения - в Пифиунт. Это был самый отдаленный город империи, лежавший между Понтом и Колхидой, на берегу Черного моря, в стране дикой и

пустынной, почти всецело предоставленной варварам. Приказ был дан внезапно (в июне 407 г.), с запрещением всякой отсрочки. И вот воины грубо схватили великого святителя и, не дав ему хорошенько проститься с жителями сделавшейся дорогой его сердцу деревни Кукуз, повлекли его вновь в далекий, трудный и неизвестный путь. Святой Иоанн был уже до крайности ослаблен невзгодами и болезнями, ускорившими для него наступление старческой немощи, и потому это новое ужасное путешествие под конвоем грубых воинов, которым было приказано обращаться с ним жестоко и беспощадно, было уже ему не под силу. Духом он попрежнему был бодр, непоколебим в своем уповании на Промысл Божий и с безграничною покорностью воле Божией без всякого опасения готов был переселиться и в новое место его заточения - оставаясь все при том же убеждении, что "Господня есть земля и исполнение ея", и никакия страдания не могли исторгнуть какого-либо ропота или жалобы из надорванной груди того, уста которого привыкли повторять: „слава Богу за все"; но тело его было уже дряхло и немощно, и потому, когда жестокие воины, исполняя приказ своих безчеловечных начальников, заставляли великого угодника Божия то с обнаженной головой идти по каменистой дороге под палящими, жгучими лучами солнца, то дрогнуть под проливными дождями, страдалец не выдержал. Силы его стали быстро падать, и когда после трех месяцев непрерывнаго пути воины прибыли с своим узником в Команы, в Понте, и по своему обычаю, не останавливаясь в самом городе, сделали привал с ним за городом, близ церкви св. Василиска, то святитель Иоанн совсем ослабел и не мог уже двигаться. Ночью ему было видение: явился сам св. Василиск (епископ, замученный при Максимине) и сказал ему: „Мужайся, мой брат Иоанн, завтра мы будем вместе!" С наступлением утра святитель, чувствуя полное изнеможение, просил воинов, чтобы они хоть на несколько часов отложили путешествие; но они грубо отказали ему в этом и с жестокостью поволокли его дальше, и только уже убедившись, что он находится при последнем издыхании, вернулись назад к церкви св. Василиска. Тогда, напрягнув все свои силы, страдалец вошел в церковь и, испросив себе полное церковное одеяние, облачился в него, а дорожня одежды роздал присутствующим. Совершив бож. литургию, он затем причастился св. Таин, и потом несколько времени молился пламенно и громким голосом. Но вот голос его начал все более и более ослабевать. С удивлением и благоговением приступили к нему присутствовавшие и, поддерживая его клонившееся вниз тело, слышали, как уста его едва внятно

лепетали: „Слава Богу за все". Осенив себя затем крестным знамением, великий угодник Божий простер свои ноги и сказав: аминь! предал дух свой Богу .

Это было 14 сентября 407 года . Ему было 60 лет от роду - век не великий, и из него он в течение шести с половиной лет был архиепископом, а три года и три месяца провел в заточении.

Слава великаго святителя была так велика, что весть о его кончине быстро разнеслась по всем окрестностям, и отовсюду собрались во множестве и священники, и девственницы, и отшельники, а за ними и несметныя массы народа, и все с благоговением теснились ко гробу почившаго владыки, чтобы хоть раз взглянуть в лик угодника Божия и поклониться его праху. Прах его с торжеством погребен был в церкви, рядом с мощами священномученика Василиска, накануне призвавшего его к себе - для пребывания вместе не только под сводами земной церкви, но и в светозарном царстве славы неизреченной. Когда весть о кончине златословеснаго учителя дошла до Антиохии и Константинополя, то и там она повергла всех в неопишанное горе. Народ громко рыдал и проклинал тех, кто погубил великаго святителя, и все, близко знавшие его, восторженно рассказывали о великих делах его милосердия, о его святой жизни и о его дивном, златословесном учении. Впоследствии, когда злоба смертельных врагов смолкла пред гробом почившаго святителя, именно при императоре Феодосие и, мощи его были торжественно перенесены в Константинополь (438 г.) и таким образом прах был водворен в той самой церкви св. Апостолов, из которой некогда был с позором изгнан живой носитель его - архиепископ Иоанн.

Вот в кратких чертах жизнь того великаго и вселенскаго учителя церкви, св. Иоанна Златоуста, творения котораго в полном их собрании предлагаются благочестивому русскому православному народу. Дивна и необычайна была его жизнь, исполненная подвигов и страданий. В этом отношении он навсегда сделался блистательным образцом христианскаго самоотвержения, терпения и покорности воле Божией. Тяжел и скорбен был его жизненный путь, но он в то же время озарен был и лучами той радости неизреченной, которая даже во мраке земных невзгод и страданий уже предвкушает сладость небеснаго блаженства. Таким же тяжелым и скорбным бывает жизненный путь и всех истинных христиан, которым Сам их Божественный Учитель сказал: “в мире

будете иметь скорбь” . Но всем им открыт также и доступ к источнику той радости неизреченной, которую испытывал св. Иоанн среди своих ужасных страданий. И тайну этого духовного счастья он раскрыл в своих дивных творениях, с благоговейным вниманием читая которых, всякий христианин постигнет истинный смысл жизни и вместе с ним будет от полноты сердца повторять:

Слава Богу за все. Аминь.

А. Лопухин.

Деян. Апост. XI, 26.

См. Похвальное слово св. мученикам Иувентину и Максимино. В новом русском издании войдет во II-й том.

Созом. VIII, с.2.

Этого Василия не нужно смешивать с св. Василием Великим Кесарийским, который был гораздо старше Иоанна и занимал уже высокое место, когда последний был еще отроком. См. об этом в исключительном сообщении к “Житию св. Иоанна Златоустаго” в Четии-Минее под 13-м ноября.

Увещания к Феодору падшему, написанныя около 369 или 370 года.

Хотя формально этот титул признан был за Иоанном лишь гораздо позже (на Халкид. соборе V века), но в смысле народного названия он мог прилагаться уже гораздо раньше, именно во время его пресвитерства в Антиохии и предание в данном случае имеет все признаки исторической достоверности.

Антиохия отстоит от Константинополя не менее как 1,200 верст.

Беседа на Галат. II, 11, п. 1.

Беседа на притчу о талантах, 1.

Беседа I о покаянии, п. 1.

На Матф. бес. XVII, в конце.

На Иоанн. бес. XIII.

На 1 посл. к Коринф. бес. XXXVI, п. 6.

На кн. Быт. бес. VI, 2.

К Ант. нар. бес. IX, 1.

На 1-е посл. к Коринф. бес. XLIII, 2.

На ев. Матф. бес. XLVII, 3.

О покаян. бес. VIII, 1.

К антиохийскому периоду его служения относятся следующие его творения: Толкования на отдельные книги Ветхаго Завета, именно на книгу Бытия, Псалтирь и книгу пророка Исаии; из Новаго завета: Толкования на ев. Матфея (лучший его экзегетический труд), на ев. Иоанна, и на послания ап. Павла - к Римлянам, Коринфянам, Галатам, Ефессянам, к Филимону, Титу и Тимофею. Кроме истолковательных бесед к этому времени относятся и много других его бесед на разные случаи и на отдельные места Св. Писания и среди них видное место занимают беседы „О покаянии“. Из полемических произведений к этому времени относятся его беседы „Против аномеев“.

На посл. к Колосс. бес. VII, п. 3.

На Деяния, бес. XXX, п.4.

На ев. Матф. бес. LXVI, 3 и 4.

На 17 ст. псалма 48, бес. 1-я, п. 6.

Обе эти книги см. ниже в первой книге I-го тома, стр. 247 и 272.

Том XII, р. 500 (беседа VI, Contra Catharos).

На Деяния бес. XXVI, 3 и 4.

Собственно литургия, известная под названием литургии св. И. Златоуста, не есть совершенно новое произведение, а лишь сокращенное изложение, применительно к указанной потребности, литургии св. Василия Великого.

Aug. De civitate Dei XVIII, 53.

В III томе издания Миня (а след. и новаго русскаго издания).

Nilus, Epist., 265, там же 279,3.

Dialog. Histor. Palladii, cap. XI, p. 38 (т. I. Бенед. изд.).

Сократ, Церк. Ист. VI, 21.

Матф. X, 24.